

ФАНЗОЛУШКА

GEEKERELLA

Смэйри на звезды. Цельсэ. Пли.

ЭШЛИ ПОСТОН

Постон Эшли

Фанзолушка

Серия «Блогерша»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28260201
Фанзолушка / Постон Эшли: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-983292-8

Аннотация

Элль безумно увлечена научно-фантастическим телесериалом «Звездная россыпь», который она с детства смотрела со своим отцом. Когда девушка узнает о конкурсе среди фанатов сериала, где главный приз – билет на косплей-бал и личная встреча с актером, играющим Принца Федерации, Элль решает во что бы то ни стало выиграть. Но путь к победе лежит через козни злой мачехи и сводных сестер...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Постон Эшли Фанзолушка

Ashley Poston
GEEKERELLA

© 2017 by Ashley Poston.

Designed by Timothy O'Donnell

Cover illustration by Dan Sipple

All rights reserved.

First published in English by Quirk Books, Philadelphia,
Pennsylvania.

© А. Федорова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Нашему сообществу:

Да будет много великих приключений!

Часть первая

Смотри на звезды

«Когда Черная Туманность погрузила все миры во мрак, рассказывались истории об одинокой искорке света, сияющей ярче, чем звезды, которая давала людям надежду, в то время как всякая надежда была потеряна. Это рассказ о звездолете «Просперо» и его последнем полете.

Смотри на звезды. Целься. Пли».
Завершающий монолог,
«Звездная россыпь», эпизод 54.

Эль

Мачеха опять взялась за свое.

По всему столу разбросаны лотерейные билеты, скидочные купоны и журнальные страницы с розыгрышами. Мачеха, устроившись на скрипучем деревянном стуле, аккуратно вырезает очередной купон. Сидит очень прямо, губы накрашены кроваво-красной помадой, осветленные волосы идеальными завитками уложены на макушке. На белоснежной блузке ни пятнышка, черная юбка-карандаш идеально выглажена. Видимо, сегодня она встречается с потенциальным клиентом.

– Милая, постарайся сегодня быстрее. – Она щелкает пальцами, чтобы я пошевеливалась.

Я плетусь к кухонному шкафчику и открываю банку растворимого кофе с резким дешевым запахом, но иной запах мне незнаком. Впрочем, это и неплохо, мы в любом случае не в состоянии позволить себе дорогой кофе. Правда, это не мешает мачехе каждое утро заказывать чай латте с соевым молоком, двойным шотом эспрессо и без молочной пены.

Кэтрин – так зовут мою мачеху – берет следующий журнал и начинает вырезать.

– Сегодня утром никаких углеводов. Я и так разжирела, а у меня сегодня встреча с одной парой. Планируют роскошную свадьбу. Представляешь, она из высшего общества!

В Чарлстоне? Верю. Здесь каждая либо из высшего общества, либо из Союза Дочерей Конфедерации, либо отпрыск политика Торнхилла, или Фишборна, или Ван Ноя, или Пикни, или еще кого-нибудь из старых чарлстонских фамилий. Только мне до них нет дела.

Я бросаю в кофемашину две ложки кофе, потом еще одну для ровного счета. Сегодня день трех ложек. Может быть, если добавить в утро больше кофеина, мачеха и близняшки уберутся из дома еще до девяти утра? Или я слишком много хочу?

Я смотрю на часы на микроволновке. 8:24. Близняшкам надо собираться со скоростью света, иначе я не успею. Я беззвучно воздаю молитву Князю Света, или расе Q, или, ну

кто там еще слушает: «Пожалуйста, пусть хоть один раз ма- чеха и близняшки уйдут вовремя. Сегодня ровно в девять в программе «Доброе утро, Америка» будет вершиться история «Звездной россыпи», и я не хочу это пропустить, не согласна, и все. Ее показ откладывали столько лет, столько раз меняли продюсера, не могли найти финансирование, и вот наконец будут снимать фильм. Конечно, это перезапуск, но дареному коню в зубы не смотрят. Сегодня официальный анонс нового фильма. С объявлением ведущих актеров, презентацией сюжета, в общем, со всем. Из-за Кэтрин и близняшек я пропускала марафоны по «Звездной россыпи», полуночные повторные релизы финального эпизода в кинотеатрах и конвенты. Но это я не пропущу.

– Они хотят дать друг другу клятву верности под магнолиями плантации Бун-Холл, – продолжает вещать Кэтрин. – Знаешь, там все забронировано с тех самых пор, как женился Райан Рейнольдс.

Кэтрин – организатор свадеб. Она может выходные напролет вручную пришивать пайетки на наперон либо штамповать приглашения на ручном печатном станке в типографии в центре города. Она настолько скрупулезно подходит к оформлению, подбирая даже ткани для скатертей и оттенки цветов в вазах, что каждая свадьба, проведенная ею, превращается в магический мир единорогов. Можно подумать, она делает это потому, что ей самой не довелось «жить долго и счастливо», но это не так. Она хочет увидеть свои свадьбы в

журналах Vogue и InStyle, хочет, чтобы их сотни раз вешали в «Инстаграме» и «Пинтересте». Словом, она хочет славы и вбухала в свое дело всю страховку папы. Ну, в дело и во все остальное, что считает важным для собственного «имиджа».

– Я хочу хотя бы выглядеть так, будто одеваюсь у Тиффани, – говорит она скорее сама с собой, чем обращаясь ко мне.

Я неоднократно слышала о том, как раньше она одевалась у Тиффани, посещала званые ужины в плантации Бун-Холл, как была счастлива в браке и какие у нее две чудесные дочери. При этом меня, падчерицу, она никогда не упоминает.

Кэтрин со вздохом заканчивает вырезать купон.

– Все это было раньше. До того, как твой отец бросил меня и близняшек в этом жутком домишке.

Вот оно что. Словно это я виновата, что она продула все сбережения. Ну, или папа. Я достаю кружку отца с эмблемой «Звездной россыпи» – единственное, что осталось от него в нашем доме, и наливаю себе кофе.

Соседская собака заходится лаем на бегуна в спортивном костюме. Мы живем на окраине известного исторического района. Дом недостаточно старый, чтобы стать туристической достопримечательностью, но и не настолько новый, чтобы его можно было перестроить. Да и денег у нас на это нет. Через две улицы находится колледж Чарлстона. Наш дом – один из последних, оставшихся после разрушительного урагана Хьюго, обрушившегося на Южную Каролину еще до моего рождения. Как и у всех хороших старых вещей, у дома

свои недостатки. Я прожила здесь всю жизнь и не знаю другого дома.

Кэтрин его ненавидит.

От кофе исходит богатый пряный аромат. Я делаю глоток и почти растворяюсь. Настоящий рай. Кэтрин прочищает горло. Я наливаю кофе в ее любимую кружку, белую с розовыми цветами. Два куска сахара – больше ничего сладкого она не употребляет, – слегка помешать, и три кусочка льда.

Она берет чашку, не отрывая взгляда от журнала. Соседская собака внезапно издает резкий вой. Кэтрин ставит чашку.

– Как ты думаешь, собаки когда-нибудь научатся молчать? Джорджио хватает проблем и без лающей собаки.

Ей нравится делать вид, будто она со всеми на дружеской ноге, особенно с людьми, на ее взгляд, важными. Мистер Джорджио Рамирез – банкир, а значит, у него много денег и он имеет влияние в загородном клубе, поэтому так важен.

– Если эта шавка не заткнется, я лично ее придушу, – продолжает мачеха холодным, отстраненным тоном.

– Его зовут Франко, – напоминаю я. – И он не любит сидеть на привязи.

– Всем надо привыкать к разочарованиям, – и она делает еще глоток кофе. Кроваво-красные губы кривятся, Кэтрин отталкивает чашку. – Слишком горький. Переделай.

Я неохотно кладу в чашку еще кубик льда, чтобы разбавить напиток. Она пробует еще раз. Наверное, теперь ко-

фе достаточно водянистый, поскольку она снова отставляет чашку ближе к стопке купонов и возвращается к изучению колонки сплетен в журнале.

– Ну? – подгоняет она меня.

Я задумываюсь, перевожу взгляд с кофе на нее и гадаю, что именно забыла. Я делаю это уже семь лет, вроде бы все на месте.

За окном опять жалобно воет собака. Ох.

Она поднимает тонко подведенную бровь.

– И как можно спокойно провести утро в таком шуме? Если бы Робин был здесь... – говорит она все тем же усталым, всезнающим тоном.

Я смотрю на нее и, открыв было рот, хочу сказать, что тоже скучаю по папе и тоже хочу, чтобы он был здесь. Но что-то меня останавливает. Или я сама себя останавливаю. Наверное, всему виной нехватка кофеина. Одного глотка явно недостаточно для смелости, которую дает целая чашка. К тому же я просто не хочу разозлить Кэтрин. Пусть уже выпьет свой кофе, успокоится и наконец уберется из дома.

Она переворачивает страницу журнала и опять хватается за ножницы, чтобы вырезать купон на зимнюю куртку. Сейчас июнь. Мы в Южной Каролине.

Но тут Кэтрин прочищает горло:

– Даниэль, сделай что-нибудь, чтобы эта дворняжка заткнулась.

– Но...

– Немедленно, – приказывает она и жестом велит мне поторопиться.

– Конечно, моя королева, – говорю я еле слышно.

Кэтрин складывает купоны и достает статью о последнем выходе на красную дорожку Джессики Стоун. Я же извлекаю из холодильника остатки вчерашней вырезки и выскальзываю через черный ход.

Бедняга Франко сидит в луже около будки и месит хвостом грязь. Сквозь щель в заборе на меня смотрит грязно-коричневая такса в грязном красном ошейнике. Прошлой ночью шел дождь, и будку залило, как я и предупреждала мистера Рамиреза, извините, Джорджио.

Мистер Рамирез принес Франко домой через пару недель после свадьбы со второй бывшей женой, наверное, чтобы точно не захотелось завести ребенка. Однако после развода пару лет назад он практически живет на работе, поэтому Франко позабыт, как неудачная идея. Затопленная будка – лишнее доказательство этому. Хорошо, что бедняга Франко умеет держаться на плаву.

Я поддвигаю коробку с едой к щели и чешу собаку за ушами, пачкая пальцы в грязи.

– Вот хороший мальчик. Накоплю денег и вытащу нас обоих отсюда. Что ты об этом думаешь, второй пилот? – Его хвост бешено шлепает по грязи. – Я даже найду нам одинаковые солнцезащитные очки. Будет полный набор.

Язык Франка в согласии свешивается изо рта. Интересно,

существуют ли солнцезащитные очки для собак? Представляю картинку: мы с Франко втискиваемся в потрепанную машину, устремляемся по единственному шоссе, ведущему из города. И, конечно, оба в очках. Едем напрямиком в Лос-Анджелес.

Сколько себя помню, у меня все время чесались руки что-то создавать, писать. Я исписывала толстые тетради, дописывала фанфики, снова и снова прячась в страницах чужой жизни. Если папа был прав, и я могу все, могу быть кем угодно, я хотела бы сделать шоу наподобие «Звездной россыпи», рассказать другим странным детям, что они не одиноки. Я сделаю это, когда окончу школу. Через год. По крайней мере, начну. Изучу кинодраматургию, научусь писать сценарии. У меня уже есть нечто вроде портфолио. Сейчас я удовлетворяю жажду творчества в блоге «СтрелокПовстанцев». Пишу о том, что знаю наверняка. О «Звездной россыпи». Моим билетом отсюда станут этот блог и деньги, которые я зарабатываю в автокафе. Когда-нибудь это произойдет.

– Даниэль, – орет мачеха из кухонного окна.

Я проталкиваю остатки мяса под забор, и Франко ныряет в миску.

– Может быть, в другой вселенной, – шепчу я. – Но пока мой дом здесь.

С этим местом связано слишком много воспоминаний, я не смогу уехать, даже если бы и захотела. Технически папа оставил дом мне, но Кэтрин распоряжается им, пока я не до-

стигну совершеннолетия. Так что до тех пор...

– Даниэльль!

До тех пор я здесь. С мачехой и ее дочерьми.

– Хорошо, хорошо, иду!

Я последний раз чешу Франка за ухом, прощаюсь с ним, обещаю вернуться позже за тарелкой и топаю на кухню.

– Девочки, – зовет Кэтрин, перекидывая через плечо сумку от Гуччи. – Поторопитесь, иначе опоздаете на урок мистера Крэга. – Девочки. Девочки! Надеюсь, вы уже проснулись, а не то...

Я слышу, как она идет в их комнату, смотрю на часы. 8:36. Они не уйдут вовремя, без шансов. Разве только я их немного ускорю.

Я лениво достаю кудрявую капусту, клубнику и миндальное молоко и готовлю близнецам утренний смузи. Кэтрин, конечно, разбросала свои журналы по всему столу. Так что прямо в лицо мне улыбается Дэриен Фримен. Я презрительно усмехаюсь. Ходят слухи, что он подписал контракт на ремейк «Звездной россыпи». Это такая же веселая шутка, как если бы Карминдора сыграла мопса на скейте. Нельзя доверить звезде сериала целую галактику.

Уф-ф. Стараясь не думать об этом, включаю блендер.

Сверху доносятся приглушенные удары. Это Кэтрин вытаскивает близняшек из кроватей. И так каждый день, хоть часы сверяй.

Вот как летом проходит мое утро: просыпаюсь, кофе, по

понедельникам покрепче. Кэтрин погружается в утренние газеты и вырезает купоны, особенно долго останавливается на сумках и красивых платьях. Недовольно что-то бормочет о прошлой жизни. Приказывает мне готовить завтрак. Вместо этого я кормлю Франка. Кэтрин идет наверх и орет на близняшек, поскольку они, как всегда, забыли поставить будильник. Я все еще не приготовила завтрак. Десять минут спустя близняшки воют за душ. Кэтрин напоминает мне, что она – благодетель этого дома. И если я хочу, чтобы она продолжала вкладывать деньги в него, содержать в роскоши (будто дому это поможет), лучше бы мне все-таки сделать завтрак. Поэтому я взбиваю тошнотворное пойло для близняшек. Они хватают свои одинаковые тамблеры, и Кэтрин выпроваживает их на тренировку по теннису.

Остаток дня ничуть не лучше. Я на пять минут опаздываю на работу, моя коллега Сейдж, дочь хозяйки автокафе, слишком увлечена модными журналами *Narajuku*, чтобы это заметить. Потом я восемь часов провожу в «Волшебной тыкве», продавая полезные оладушки банкирам в идеально сидящих деловых костюмах и неугомонным мамашам с детьми. Затем толкаюсь в супермаркете, вооруженная купонами, при виде которых кассиры закатывают глаза, едва я встану в очередь (все ненавидят купоны). Дома «семейный ужин», приготовленный мной. Выслушиваю едкие комментарии близняшек по поводу моих кулинарных способностей, наконец они исчезают наверху, чтобы снимать видеоблог о красоте: как сде-

лать макияж «кошачий глаз», подобрать тени к рубиновой помаде и еще что-то в таком же духе. Я мою посуду, убираю остатки еды, желаю спокойной ночи Франко и в кровать.

Во всяком случае, все они так думают. Ночами я смотрю повторы «Звездной россыпи» по старенькому папиному телевизору. Если есть вдохновение, могу написать в блог про любой из эпизодов. Просматриваю фанатские сайты «Звездных стрелков» и засыпаю под голос Принца Федерации: «Смотри на звезды. Целься. Пли». На следующее утро я просыпаюсь, и все повторяется.

Хотя на этот раз я неожиданно успеваю на работу.

Может быть, сегодня Сейдж со мной заговорит. Или близняшки будут милы со мной. Или кто-то положит в банку для чаевых два билета на самолет до Лос-Анджелеса. А может быть, я признаюсь в любви к сорок третьему эпизоду вместо того, чтобы критиковать принципиальность героев, когда колония взлетает на воздух. Может, мне приснится папа.

Блендер ревет, как от боли. Я даю ему отдохнуть и вытряхиваю капустный смузи в два бокала, нервно посматривая на часы. 8:41. Я запускаю завтрак близняшек через весь стол, как заправский бармен, а сама роюсь в шкафу в поисках банки арахисового масла, которое спрятала там вчера вечером. Приходится защищать мое арахисовое масло, как Смеагол защищал Единое Кольцо, – моя прелесть! И неважно, на какой диете мы сейчас сидим. Сегодня Кэтрин повернута на палео, в прошлом месяце увлекалась сыроедением. До того

была не то диета Восточного берега, не то Аткинса. Что-то с беконом. На следующей неделе будет диета без жиров, или без соли, или что там еще ей взбредет в голову, и она заставит меня готовить под угрозой продать этот дом, дом моего папы.

Я выскребаю последнюю ложку арахисового масла со дна банки, смакуя его вкус. Я умею ценить даже самые маленькие победы.

Сверху доносится стон труб, когда выключается душ. Наконец-то. Близняшки сегодня не торопятся. Обычно им нравится играть в теннис в загородном клубе, там у них друзья. И вообще там тусуются богатые и популярные. А я? Кэтрин все время недвусмысленно намекает на то, что мне в клубе только одно место: носить клюшки для гольфа.

Я выбрасываю банку в мусорное ведро и сверяюсь с неубиваемым телефоном, унаследованным после смерти отца, – еще одна гениальная идея мачехи, как сэкономить деньги. Близнецам разрешили купить новые мобильники, а мне пришлось довольствоваться тем, который был, ведь я тоже хотела иметь телефон. Он такой огромный, что вполне способен отбить атаку корабля Пожирателей. Но, по крайней мере, он показывает время.

8:43. Когда они наконец свалят? Хоть один раз, один только раз пусть уйдут из дома до 9:00.

Они наверху. Гнусавый голос Хлои далеко разносится по дому.

– Но мама! Сегодня по телевизору будет Дэриен Фримен! Я не хочу это пропустить.

У меня сердце уходит в пятки. Если Хлоя завладеет телевизором, я не смогу посмотреть «Доброе утро, Америка».

– Мы же можем на несколько минут опоздать, – вторит Каллиопа.

Она всегда на стороне Хлои. Мы одного возраста, вместе учимся в выпускном классе, но с тем же успехом могли бы жить на разных планетах. Хлоя и Каллиопа играют в школьной теннисной команде, организуют вечера встреч, занимаются выпускным балом. И используют свою популярность, чтобы лишний раз напомнить всем в школе, что я отребье и без их семьи осталась бы сиротой.

Спасибо. А то я забыла.

– Мы не можем такое пропустить, – ноет Хлоя. – Мы должны посмотреть это и записать ролик, иначе это сделают до нас. Это нас убьет, мама. Уничтожит.

– Милые, я плачу мистеру Крэгу кругленькую сумму, чтобы научить вас играть в теннис, и не хочу терять ваше место в команде в следующем году из-за какой-то телепрограммы!

Кэтрин возвращается на кухню, копаясь в сумочке.

– Даниэлль, ты не видела мой мобильник?

Я протягиваю руку через стол, чтобы снять его с зарядки.

– Вот он.

– И зачем ты его туда положила? – Она, не глядя, берет у меня телефон и принимается пролистывать ленту «Фейсбу-

ка». – Кстати, не забудь, что завтра...

– Да. Я знаю. – Словно я могу забыть день, когда погиб мой отец. – Мне в этом году купить орхидеи?

– Девочки! – орет Кэтрин, сверяясь с часами. – немедленно спускайтесь!

– Ладно! – Они в белой теннисной форме скатываются по лестнице и хватают смузи со стола. Близняшки как две капли воды похожи на Кэтрин. Светлые волосы, карие глаза, пухлые губки, разбивающие мужские сердца. Хлоя и мачеха из одного теста, Калли немножко другая, более спокойная. Думаю, она пошла в отца, который сбежал, когда девочки еще были маленькие, и женился на дочери владельца какого-то казино из Атлантик-Сити.

Сейчас обе стянули светлые волосы в тугие хвостики, и их не отличить, если не знать, что Каллиопа всегда подбирает серьги под фиолетовые очки, а у Хлои каждый день новый цвет ногтей, скажем, сегодня – небесно-голубой. Назревает что-то страшное.

– Это нечестно! Почему Элль не ходит на эти глупые уроки? – ноет Хлоя.

Мачеха шикает на них, терпеливо улыбаясь.

– Элль приходится делать то, что у нее хорошо получается.

Я пытаюсь не обращать на нее внимания, кладу в сумку ключи от дома, делая вид, что собираюсь на работу. Иногда мне кажется, Кэтрин забывает, что я тоже нахожусь в ком-

нате.

– Ты разрушишь нашу карьеру! – продолжает нападать Хлоя, потягивая зеленый смузи. – Мы должны всегда находиться в топе!

– Все остальные напишут об этом в «Твиттере», – добавляет Каллиопа.

– От нас многого ожидают после того, как наш ролик о том, как сделать мейкап в стиле «Морской гавани», получил сто тысяч просмотров.

– Девочки, живо! Уроки стоят 400 долларов! – Кэтрин указывает розовым ногтем на дверь.

Каллиопа закатывает глаза, хватая сумку с полки в прихожей и вылетает за дверь в красную «миату». Еще одна необходимая вещь для имиджа Кэтрин. Она смотрит на Хлою. Чему та не в состоянии сопротивляться, так это неодобрению матери. Поэтому тоже берет сумку, такую же, как у Калли, только розовую, и выходит следом за сестрой. Я ни капельки не хочу к ним присоединиться.

Мачеха еще раз победно взбивает волосы перед зеркалом в прихожей.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я замолвила за тебя словечко в клубе, Даниэль? Уверена, они с удовольствием примут тебя обратно, даже после того случая в прошлом году. Ты ведь сделала выводы, не правда ли?

Никогда больше не доверять парню? Конечно. Я вежливо улыбаюсь.

– Нет, спасибо.

– Для тебя это отличное место, – она качает головой. – Вот увидишь, я права.

С этими словами она закрывает дверь.

Я дожидаюсь, пока «миата» свернет с подъездной дорожки, и бросаюсь в гостиную. Включаю телевизор. 8:57. Идеально. Фургон заберет меня в 10:00, и мы поедем через весь город на бейсбольный стадион на игру местной команды, так что времени у меня предостаточно. А ближайший час я буду наблюдать, возможно, за самым значительным событием в истории «Звездной россыпи».

Это будет либо конец всего, либо начало. Новая «Звездная россыпь» для нового поколения. Мне нравятся сокрытые в этом возможности.

Я хватаю пульт с кофейного столика, сажусь по-турецки перед 54-дюймовым телевизором. Черный экран мигает, меня переполняет предвкушение. Если бы только папа мог быть здесь и тоже это видеть! Если бы он мог сидеть рядом. Так же радоваться. Нет, он бы радовался еще больше! Но в реальной жизни мне не с кем посплетничать о том, кто в итоге примерит крылатую звезду Федерации и пройдет по стопам исконного Принца Карминдора Дэвида Сингха. Я многие месяцы веду блог на эту тему из моего укромного уголка, но его никто не читает. «Стрелок Повстанцев» – скорее, своего рода терапия, личный дневник. Самое близкое подобие друзей для меня – сообщество фанатов «Звездной рос-

сыпи» в сети, где все обсуждают состав актеров и гадают, кого возьмут. Может, того парня из последнего «Человека-паука»? Или милашку звезду Болливуда, который сейчас на всех гифках «Тамблера». Кого бы ни выбрали, надеюсь, они не сделают моего принца белым.

В программе «Доброе утро, Америка» завершается сюжет про интернет-ролики с собаками, вытворяющими всякие бестолковые вещи. Ведущий широко улыбается, камера переключается на зрителей. Там куча девчонок, все они радостно машут. Держат плакаты. На всех футболки с одним и тем же именем. От этого имени у меня холодеет в груди, а в животе словно взрывается атомная бомба.

Дэриен Фримен.

Девчонки скидывают руки перед камерой, выкрикивают его имя. То самое имя. Некоторые выглядят так, словно сейчас попадают в обморок.

Я в обморок от счастья не падаю.

Воодушевление сменяется ужасом.

Нет, это не может быть правдой. Наверное, я включила не тот канал.

Я нажимаю кнопку «информация» на пульте. Крупным шрифтом высвечивается «Доброе утро, Америка». В этот момент я хочу, чтобы меня поглотила Черная Туманность.

Каковы шансы? Каковы шансы, что он приглашен на то же самое утреннее ток-шоу? Каковы шансы, что он гость на шоу, которое анонсирует актерский состав «Звездной рос-

сыпи»?

Ведущая улыбается, что-то говорит, и внезапно случается то, чего я так боялась.

Поперек экрана позади нее высвечивается логотип «Звездной россыпи». На моих глазах происходит катастрофа, а я не могу отвести взгляд. Весь мой фанатский мир рушится в горящую, кипящую бездну отчаяния.

Нет. Нет, только не он. Это не может быть он.

Дэриен Фримен – не мой Принц Федерации Карминдор.

Дэриен

Толпа полна монстров.

Ну, не настоящих монстров. Но вы попробуйте прилететь в Нью-Йорк ночным рейсом, получить на завтрак лишь пережженный кофе и половинку грейпфрута, просидеть полчаса у гримера, пока тот пытается уложить твои кудрявые волосы. Да ради всего святого, это просто волосы! Надеть дизайнерские джинсы, которые жмут в местах, еще не проснувшихся в такую рань, и еще пытаться вспомнить ответы на вопросы, которые ведущие собираются вам задать. И все это после трех часов сна. Посмотрим, будете ли вы рады толпе фанатов.

«Дыши, – убеждаю я себя. – Все хорошо».

Я хожу взад-вперед за кулисами. Меня пока никто не заметил, но кожу покалывает, словно на меня смотрят. Это ме-

сто такое.

Теперь я понимаю, зачем Гейл, моя ассистентка, предложила принять две таблетки ибупрофена перед шоу. Я бывал на рок-концертах, а в далеком прошлом и на конвентах, но тут публика странная. Гейл сказала, они здесь с четырех утра. Ну кто в здравом уме будет стоять в очереди в такую рань ради того, чтобы посмотреть на меня?

Рядом со мной в изношенных кедах топчется Гейл. Похоже, она не снимала их со съемок второго эпизода «Морской гавани». Она пролистывает электронную почту и кивает.

– Все улажено. Самолет сегодня вечером. Тебя отвезут и встретят в аэропорту. Два помощника будут отвлекать папарацци. Мы в шоколаде.

Она смотрит на меня и улыбается. Протягивает мне бутылку воды, я прикладываю ее к шее. Рыжеватые волосы собраны в слишком тугий неопрятный пучок – верный знак того, что она тоже дико волнуется.

– Просто дыши. Все будет хорошо. Это же азы общения со СМИ. Ты справишься.

– Могла бы сказать, что у меня повышение уровня, – шучу я.

Она смотрит на меня без всякого выражения.

– Как в видеоиграх, где ты набираешь очки опыта. А теперь тишина.

Я откручиваю крышку и делаю глоток. Из-за занавеса вижу, как мои фанаты нетерпеливо переминаются. Я морщусь.

– У этой девочки что, мое лицо на футболке?

– Не обращай внимания, – отмахивается Гейл.

У нее телефон звонит, она снова вытаскивает его. Хмурится. Я косо смотрю на нее.

– Все в порядке?

Она просматривает имейл.

– Земля вызывает Гейл?

Ничего.

– Гейл Морган О’Салливан.

– Что? Ай! – Она засовывает телефон в задний карман джинсов. – Извини, извини. У тебя не бывает ощущения, будто ты что-то забыл?

– Постоянно. Труссы. – Я говорю абсолютно серьезно. – Иногда приходится их подтягивать, чтобы убедиться, что они на мне.

Слабая улыбка пробивается сквозь беспокойство.

– Шутишь.

Гейл старше меня, ей около двадцати пяти. У нее на щеках россыпь веснушек, которые темнеют летом и пылают, когда она краснеет. Если не считать комиксов «Бэтмен: Год первый» с автографом, она мой лучший друг. Таким как я непросто найти настоящих друзей. Их может вообще не быть. У меня они были, но все меняется, и это знание далось мне тяжело. Слава все меняет.

Подходит рабочий сцены с микрофоном. Я протягиваю провод, спрятанный под пиджаком, и креплю приемник сза-

ди на джинсы.

– Двухминутная готовность, – говорит он и уносится.

– Ох-кей, – выдыхает Гейл. – Не забывай улыбаться и просто будь собой.

Она смотрит на меня орлиным взором, поправляет прядь волос, разглаживает пиджак над футболкой. Это самая дорогая моя вещь (пиджак, не футболка) – таково требование моего агента. Он хочет, чтобы я выглядел как гик и в то же время был одет в Burberry под стать своему персонажу из «Морской гавани». Я не уверен, что эти два стиля стоит смешивать.

«Смотри на звезды. Целься. Пли», – напевает Гейл и обнимает меня. – Я так горжусь тобой, Дэриен. И твой отец тоже.

– Гордишься деньгами, – бормочу я.

Она кривит рот.

– Я вовсе не считаю, что...

Приветственные вопли публики перекрывают ее слова. Действительно вопли, крики, вырвавшиеся из преисподней. Я уверен, Джессика Стоун, вместе с которой мы будем сниматься, собирает гораздо более спокойную толпу, хотя у этой милой популярной девушки за плечами гораздо более впечатляющая карьера в инди-фильмах, чем у меня в «Морской гавани». Ее поклонники не рисуют «Я люблю Джесс» на своих футболках, они просто... Неважно. Даже думать не хочу, какие странные запросы вводят в «Гугл» фанаты Джес-

сики Стоун. Наши аудитории отличаются, вот и все. Режиссер «Звездной россыпи» Амон Уилкинс, известный благодаря фильму о роботах-гигантах, видимо, решил, что она принесет желанную награду и дифирамбы. Думаю, скоро все выяснится. Съемки начинаются уже завтра.

А что же я? Очевидно, привлеку армию «дэриенитов» в любимый культовый фэндом. А что сегодня? Сегодня рекламный трюк. Мой агент и пиар-группа на высоте.

Скотти в любой момент может пригласить меня на сцену.

Наверное, в этом и дело. Конечно, я не первый парень, который берет на себя роль персонажа, которого уже очень любят. Я уверен, Криса Пайна не все любили, когда он стал Кирком, версия 2.0. Но ведь я другой. Мне восемнадцать. Ему было двадцать с хвостиком. У него было время отрешиться от коронного «Мне плевать». А меня по-прежнему волнует, сочетаются ли носки с одеждой, и чтобы никто не заметил мои трусы с картинкой из «Звездных войн». К тому же сейчас у меня липкие руки, я начинаю потеть. Нет ничего хуже во время телеинтервью.

Вдох, выдох. Ты справишься, Дэриен.

Помощник возвращается и ведет меня на сцену, пальцами начинает обратный отсчет.

Пять... четыре...

Я разглаживаю пиджак. Сглатываю от волнения.

– А теперь поприветствуем следующего гостя нашей студии, – говорит один из ведущих, успокаивая толпу, – юно-

го актера, больше известного как король «Морской гавани», а теперь примеряющего мантию нашего любимого короля звезд. Принц Федерации Карминдора, Дэриен Фримен!

Святой Разрушитель Эго, Бэтмен, весь имидж псу под хвост.

Вдох. Выдох. Улыбка.

Как супергерой, надевающий маску, я выхожу из себя, надеваю Дэриена Фримена и погружаюсь в яростные крики пяти сотен девочек-подростков.

Эль

Красивое лицо Дэриена Фримена – раздражающе красивое, потому что ближайшие десять лет оно будет смотреть с каждой рекламы одеколona и с каждого билборда, – добродушно улыбаясь, растянулось по 54-дюймовой мачехиной плазме. Коричневая кожа, длинные ресницы, курчавые волосы. Внешне похож, но слишком яркая, слишком ослепительная улыбка. Это не угрюмый, задумчивый Принц Федерации. Даже близко не он.

За все пятьдесят четыре эпизода Карминдор улыбнулся лишь однажды. Принцессе Амаре в эпизоде пятьдесят три. Перед тем как...

Нет. О последнем эпизоде не говорят, даже не думают. Этого не было. Я даже запретила всякое упоминание о нем в своем блоге.

Рокфеллеровский центр переполнен людьми в синем с серебром, цветах «Звездной россыпи». Стайка фанаток в переднем ряду размахивает плакатами «Звездани меня» и «Я хочу с тобой вабба-вабба», словно они с самого первого выпуска смотрели серии про межзвездные миссии против Мглы. А это не так.

Даже я не смотрела.

А папа... Он жил этим с самого начала. Исконный фанат. Даже основал конвент. «ЭкселсиКон». Мы ездили туда каждый год. Помню, как мы встречались с постаревшими актерами, как я получила автограф на звездной пушке. Находясь в школе, я прятала ее в рюкзаке. Просыпалась каждое утро под папин будильник, играющий главную тему. Ела хлопья «Вабба-Вабба» на завтрак. Конечно, всего лишь хлопья в сахарной глазури, но тогда мне было шесть лет. Летом я глядела на звезды и представляла, что воюю с Мглой у нас на заднем дворе. спасаю галактику от Черной Туманности.

Жить с папой было словно жить во вселенной, где Принц Федерации Карминдор существовал на самом деле.

А потом эта вселенная в мгновение ока испарилась.

Я собираюсь нажать на пульте кнопку «выкл», но не могу оторвать глаз от экрана. Как фанаты «Морской гавани» сольются с нами, Звездными Стрелками? Словно две тюнингованные гоночные машины несутся навстречу друг другу, и я вынуждена на это смотреть.

Дэриен Фримен развалился в удобном кресле и машет ру-

кой толпе фанатов, немного застенчиво, немного растерянно, а ведущие приветствуют его на программе. Он наверняка думает, что это очень круто.

– Очень здорово быть здесь, – начинает Дэриен. Фанаты визжат, как сирена скорой помощи: «Я тебя люблю!» и «Женись на мне!».

Брр, ну и мерзость.

Один из ведущих, мужчина с массивным подбородком, говорит:

– Мы рады приветствовать тебя! Я помню – хотя это и выдаст мой возраст – как не ложился ночью, чтобы посмотреть шоу. Это классика! Как ты себя ощущаешь в преддверии съемок в главной роли Принца Карминдора?

Актер улыбается. У него слишком белые зубы, слишком ровные губы. Держу пари, тренируется перед зеркалом.

– Конечно, это большая честь, – отвечает он, хотя он не узнал бы классику, даже если бы в него из фазера начали стрелять. – Жду не дожусь начала съемок. Карминдор – это большая роль. Большая ответственность.

– Огромная ответственность, – бормочу я про себя.

Дэвид Сингх был феноменом. Он стал первым темнокожим актером, получившим главную роль в научно-фантастическом сериале. Выступая защитником прав человека, на экране, и в жизни, он искренне верил в философию «Звездной россыпи».

– В отличие от Рика я никогда не смотрела «Звездную

россыпь», – вставила соведущая, миниатюрная женщина в белом костюме. Едва ли она нарочно нарядилась имперским штурмовиком, но получилось похоже. – Кажется, сегодня все знают, что это. Какой у них там девиз?

– Смотри на звезды. Целься. Пли, – отвечает Дэриен. – Надеюсь, вы станете фанатом. В «Звездной россыпи» каждый найдет что-то свое. Это рассказ о добром корабле «Просперо» и его команде, о том, как они защищали галактику и удерживали принципы мира и равенства. Ах да, и еще воевали с пришельцами-инопланетянами, – усмехается он.

– Звучит жутковато, – выдыхает ведущая.

Я закатываю глаза. Конечно, я бы не назвала борьбу с Королем Мглы войной с пришельцами. Технически пришельцами в сериале являются люди. Но я ведь истинный Звездный Стрелок.

Ведущая продолжает:

– Надеюсь, ты не рассердишься, но мы любим поиграть с гостями шоу. Похоже, ты много знаешь о «Звездной россыпи», давай мы испытаем тебя на баке-ловушке.

Камера переключается на большой резервуар с водой и мишенью с краю. Затем вновь показывает Дэриена, на его лице застыла маска ужаса, ясное дело, наигранного.

– Вы серьезно?!

– Ну конечно! – Ведущая лезет рукой за стул и достает водяной пистолет. – Посмотрим, как хорошо ты знаешь «Звездную россыпь». Я буду стрелять в тебя за каждый

неверный ответ.

«Вот это здорово, – думаю я. – Едва ли он знает о сериале что-то, кроме названия».

Толпа начинает громко скандировать: «В воду! В воду! В воду!».

Дэриен картинно разводит руки навстречу публике.

– Серьезно? Вы правда хотите увидеть, как я промокну?

– В воду! В воду! – не умолкает толпа, и я с ней полностью согласна.

– Ну что скажешь, Дэриен? – улыбаясь, интересуется ведущая.

Он вздыхает, понутив голову: «Ну ладно, давайте вашу игру», хватается за ручки кресла, встает, снимает очевидно дорогой пиджак.

– Хорошо, спрашивайте.

Да ну! Посмотрим, где ты ошибешься, Дэриен Фримен. Я скрещиваю руки и устраиваюсь в кресле. На экране Дэриен карабкается на резервуар, надевает защитные очки и показывает большие пальцы вверх.

Женщина прицеливается пистолетом и смотрит на карту.

– Вопрос номер один! Как называется правительство, в которое входил Карминдор?

– Шутите? Слишком просто. Федерация, – кричит Дэриен.

Звоночек сигнализирует, что ответ правильный, публика

воет и требует окунуть его сразу. Что-то пролетает рядом с головой, кажется, чьи-то трусы. Он не выглядит испуганным, улыбается до ушей, болтает ногами, сидя на жерди над водой.

– Хорошо, теперь сложнее, – кричит ведущий с крупным подбородком и читает следующий вопрос: – Кто лучший друг Карминдора?

– Юци! Есть что-нибудь более сложное? – Дэриен раззадоривает толпу.

«Чем Юци занимается на корабле? В каком эпизоде он предает Карминдора Мгле, чтобы спасти свою колонию? В каком эпизоде колонию все равно уничтожают? Как насчет таких вопросов, красавчик?» – бормочу я.

Зрители ревут все громче: «В воду! В воду! В воду!».

– Как называется корабль?

– «Просперо»!

– Каков приветственный клич Федерации?

– «Обещаю и клянусь»!

Ведущая улыбается и помахивает карточкой с последним вопросом, готовясь сразить наповал. Я сползаю на краешек стула.

– Как Карминдор называет свою любимую в последнем эпизоде?

Дэриен задумывается. Оглядывается, смотрит на зрителей.

– Отвечай честно, – кричит ведущий. – Не знаешь? Десять, девять...

Дэриен сидит над водой, закусив щеку, и раскачивается взад-вперед. Я фыркаю. Конечно, не знает. Он же в жизни не смотрел ни одного эпизода.

– Пять! Четыре! Три!

Толпа подхватывает счет. Ведущая широко расставляет ноги и прицеливается одной рукой. Выглядит эффектно, хотя из водяного пистолета лучше стрелять не так. Дэриен по-прежнему озадаченно чешет затылок.

– Два! ОДИН!

Толпа ликует. Ведущая стреляет и попадает прямо в мишень. Воеет сирена, над идеально причесанной головой Дэриена мигает проблесковая лампа, сиденье уходит у него из-под ног. Он падает в воду, толпа сходит с ума от счастья. Им это нравится.

Странно, но мне это не по вкусу.

– А'блена, – подсказываю я, хотя он и под водой. Хотя я смотрю на него по телевизору. Хотя он точно не может меня услышать, и я просто говорю с плоским плазменным экраном. Тем не менее. Если он собирается стать Карминдором, ему нужно это знать. Независимо от бака-ловушки. – Он называет ее а'блена.

На экране мокрый до нитки Дэриен выныривает из чана с водой и трясет мокрой головой в сторону зрителей. Те вопят, поднимая руки. Он улыбается.

Я морщусь. Единственное, что может сейчас спасти фильм от провала, – идеальный злодей. Очевидно, им дол-

жен стать Король Мглы, это было бы круто. Мгла – естественный враг Федерации, но, к сожалению, в оригинальном сериале девяностых годов они не очень привлекательны из-за огромных ушей. В перезапуске их можно сделать симпатичнее. К тому же, давайте уж начистоту, можно было бы учесть потенциал жанра слэш. Я смотрю на часы. У меня в запасе еще добрых двадцать минут до того, как я должна появиться на работе в «Тыкве».

На экране Дэриен берет у ассистента полотенце и начинает вытираться. Кто-то кричит ему, чтобы снял футболку. Он останавливается, оборачивается к толпе.

– Вы правда этого хотите?

Толпа визжит в ответ.

Крик становится громче, когда он берется за край насквозь промокшей футболки. Сквозь ткань рельефно проступают мышцы на груди. И все это видят. Я тяжело вздыхаю. Почему в жизни не существует кнопки перемотки вперед?

В отличие от близняшек, я не фанатка Дэриена Фримена. И уж точно не фанатею от этого горячего подростка из шоу «Морская гавань».

Вдруг Дэриен Фримен стягивает футболку, и я не могу закрыть рот. Его накачанные живот и грудь сияют, врезаясь в мой сонный мозг, как луч надежды в этой мрачной вселенной.

– А фигура у него – самое оно для Принца Федерации, –

бормочу я. – Этого не отнимешь.

Я пялюсь на него дольше, чем хотелось бы. Дольше, чем когда-либо признаюсь. Дэриен явно наслаждается каждым мгновением, широко раскидывает руки и изящно кланяется публике.

Ведущая обмахивается водяным пистолетом:

– Вау. Ради этого стоило проиграть. Можно потрогать?

Снаружи раздается грохот, от которого трясутся картины на каминной полке. Я подсказываю. Блин. Этот звук я узнаю где угодно.

Это подъезжает «Волшебная тыква».

Быстро оборачиваюсь к телевизору, хватаю пульт как молитвенник.

– Ну, быстрее объявите, кто будет злодеем, – молю я. – Пожалуйста, пусть это будет Король Мглы! Пожалуйста! Пожалуйста!

– Итак, как герою галактической Федерации вам нужен противник. – Мужчина с крупным подбородком жалостливо смотрит на соведущую, в то время как Дэриен натягивает футболку.

– Подумайте о монологах! Подумайте о возможностях развития любовного треугольника! – кричу я в пустоту. – Вселенная, дай мне хоть что-нибудь!

Большой подбородок продолжает так, словно не замечает моей мольбы.

– Я слышал, злодея хранят в секрете, но ходят некоторые

слухи. О некоторой леди.

Я беззвучно разеваю рот. Если девушка, то это не Король Мглы. Но тогда это должна быть...

Я наклоняюсь ближе к экрану в попытке расслышать что-то сквозь шум «Тыквы». Мне приходится придерживать свечу на кофейном столике, чтобы та не прыгала в банке. Дэриен Фримен говорит что-то едкое, поправляет рукава пиджака. Остается ждать. Только ждать.

Я щурюсь, пытаюсь прочитывать что-нибудь по губам. У него красивые губы, это уже что-то. Я распознаю звуки, которые он произносит. По движению губ, по артикуляции языка угадываю имя.

«Тыква» грохочет уже на подъездной дорожке. В соседнем доме Франко заходится лаем. Опять раздается гудок. Сейдж придется подождать. Она все равно приехала слишком рано. Я, оглушенная, сажусь обратно. Не могу поверить. Они сделали злодеем того единственного героя, о котором я больше даже думать не хочу. В оригинальной «Звездной россыпи» Принц Карминдор выкрикивает имя в небеса, яростно потрясая кулаками, этот образ легко узнается по интернет-мему «злобно кричащий в разрушающем душу гневе».

Однако это единственный в смысле пересъемки фильма злодей. Единственный, кто способен вырвать слабое человеческое сердце из груди, использовать хребет вместо зубной нити в борьбе с муками и горечью. Единственная любовь Принца Карминдора.

Принцесса Амара.

Большой подбородок смотрит на экран.

– А если вы хотите стать счастливым и лично встретиться с Принцем Федерации, «Мидлайт Интертеймент» в сотрудничестве с «ЭкселсиКон» в этом году проводит конкурс среди фанатов. Нарядитесь подобно вашему любимому герою «Звездной россыпи» – и получите уникальную возможность выиграть билеты на бал-маскарад «ЭкселсиКона», где победителей лично поприветствует Дэриен Фримен. Кроме того, вы получите билеты на премьеру «Звездной россыпи» в Лос-Анджелесе.

Я качаю головой. Единственная часть приза, которую я желала бы получить, – билеты в Лос-Анджелес. Ну и, может быть, еще шанс сказать Дэриену Фримену все, что я думаю о его глупом, бездарном Карминдоре, прямо в его глупое, бездарное лицо.

Дэриен Фримен странно смотрит на ведущего.

– Э-э-э, что?

Ведущий таращится в ответ, разинув рот. Повисает неловкая пауза. Дэриен Фримен снова смотрит в экран телевизора. На меня. По его лицу проходит тень эмоции, которую я не могу распознать, он пытается ее скрыть, а миллионы американцев смотрят на него.

– Ну же, Дэриен, «ЭкселсиКон»!

– Да, точно, конечно. Извините, – рассеянно кивает он.

Ведущая кладет руку ему на колено.

– Дэриен, спасибо большое, что пришел к нам на шоу, это было здорово. С нетерпением будем ждать выхода «Звездной россыпи» на экраны будущей весной.

Внезапно раздается шум вне камеры. Крики. Кто-то лезет по лестнице и бежит со всех ног к актеру. Девчонка в бикини и футболке, на которой собственноручно написала «Увидимся в гавани».

Их рты соприкасаются с такой силой, что оба падают на диван. Сбегается охрана. Камера быстро переключается на рекламу «Хаггис».

Я еще глубже опускаюсь в пухлое кресло Кэтрин. И этим стала «Звездная россыпь»? Все эти Дэриениты наводняют мою «Звездную россыпь»? Им же красивые кубики и золотые закаты гораздо ценнее, чем клятвенные обещания на всю жизнь.

Хорошо. Вселенная думает, что может скормить мне это, я преподнесу ей ответ. Я бегу по лестнице вверх, врываюсь в комнату. Распахиваю ноутбук в тот момент, когда Сейдж снова гудит из «Волшебной тыквы».

Я игнорирую ее и открываю страницу блога. В этом Хлоя и Калли не ошиблись. Когда речь заходит об интернете, реагировать нужно максимально быстро. Если я и сделаю в жизни что-то стоящее, то это сейчас. Напишу о катастрофе, которая произойдет со «Звездной россыпью». Все задокументирую. Вот как через сорок лет Голливуд решил отплатить нам, Звездным Стрелкам? Подкинул Дэриена Фримена?

«Фантастика или фансервис?» – вбиваю я в поле название. Идеально.

Пальцы, подрагивая, летают над клавиатурой. Слова льются рекой. Не знаю, откуда они берутся. Может быть, это накопленный гнев за то, что меня не воспринимают всерьез. Или необходимость годами смотреть повторы на стареньком телевизоре, чтобы увидеть в высоком разрешении лицо идиота, уничтожающего любимого персонажа моего отца.

Моего любимого героя.

Снова раздается гудок. Соседи, наверное, гадают, что за был на нашей подъездной дорожке фургон с едой.

– Иду! – кричу я.

Один клик, пост опубликован и отправлен в параллельную вселенную.

Я натягиваю рабочую футболку, перекидываю сумку через плечо и тридцать секунд спустя уже влетаю в яростно-оранжевого монстра, в котором я работаю.

– Ты опоздала, – говорит Сейдж голосом, чудесно сочетающимся с ее хлористо-зелеными волосами. Бесцветный и очень странный голос. Словно ей со мной скучно. Возможно, когда-то ее волосы были глубокого зеленого оттенка, ведь она вполне могла бы выкрасить их под свое имя – Сейдж означает шалфей.

– Я жду уже целую вечность.

– Извини, нужно было кое-что сделать, – быстро оправдываюсь я.

Жутковатая смеющаяся тыква болтается на ветровом стекле, и моя коллега поправляет ее, вырулив назад. Никогда, ни в какой вселенной, ни за что не признаюсь Сейдж, что я Звездный Стрелок. Она просто посмеется.

– Подожди, разве стадион не в другой стороне? – Я замечаю, что она сворачивает на одну из знаменитых чарлстонских улиц с односторонним движением.

– Планы поменялись.

Я осекаюсь, замечая дорожный знак.

– Кажется, здесь одностороннее движение в другую сторону.

Сейдж не отвечает, просто крепче сжимает руль. Ухмылка, почти неуместная на каменном лице, играет на ярко-розовых губах. Словно чучело животного посреди лужи крови. Почти демонически.

– Агу! – Сейдж кричит так громко, что я подпрыгиваю, и резко переключает передачу.

Я вцепляюсь в ремень безопасности. У меня есть права, но владелец фургона и наш начальник – ее мама, поэтому водит фургон Сейдж. Минус этого в том, что она за рулем становится безумной. Впрочем, не только за рулем. Честно говоря, если бы я могла работать в другом месте, так бы и сделала. Но поскольку в моем резюме только запись о неудачной работе в загородном клубе (а туда возвращаться я не собираюсь, что бы ни говорила Кэтрин), наверное, мне повезло, что меня взяли хотя бы в «Тыкву».

Наверное, есть работа и похуже. Например, меня могла атаковать толпа фанаток, как беднягу красавца Дэриена Фримена.

Дэриен

– Мне очень, очень, очень жаль. – Гейл дает мне пакет со льдом, едва я вхожу в примерку.

– И что это было? – Я беру пакет и зажмуриваюсь, прижимая его к затылку.

Гейл качает головой.

– Я думала, охрана схватит ее.

– Они и схватили. Только сначала она схватила меня. На полу. Я думал, подавлюсь ее языком.

Мои влажные волосы, уже не такие идеально кудрявые, прилипают к шее, как водоросли.

Эта фанатка набросилась так быстро, что не успел я понять, кто напал на меня, как уже падаю на каменно-твердый диван прямо на большую спину. Я знаю, это странно, мне всего восемнадцать и у меня не должна болеть спина. Но после того как я два года таскал на руках актрису по берегу гавани – это должно было выглядеть романтично, фанаты тащились, – мой хиропрактик посоветовал повременить с эффектными сценами. Наверняка он имел в виду и нападения фанаток в эфире «Доброе утро, Америка».

Гейл нервно потирает руки.

– Я прослежу, чтобы это больше не повторилось. Извини. Это целиком и полностью моя вина. Надо было обеспечить больше охраны. Надо было что-то сказать.

– Эй, – останавливаю я, мягко касаясь ее локтя. – Я уверен, это не твоя вина, ты ведь знаешь. Мы оба знаем, что мой пресс убийственно прекрасен.

Она смотрит на меня с болью во взгляде, но улыбается.

– Не пытайся меня рассмешить. Я твой ассистент и должна была разругать ситуацию до того, как они огорошили тебя в прямом эфире. На этот раз Марк точно меня вышвырнет.

Я опускаюсь на диван. Мой менеджер – главный поклонник, вызволитель из тюрьмы и где-то в самом низу списка ролей, в отдаленной галактике мой отец. Гейл уже давно у него в черном списке. Он считает ее ни на что не способной дурочкой, иногда она действительно совершает глупости, но кто их не делает? Если он ее считает идиоткой, страшно представить, что он думает обо мне.

Кроме того, Гейл – единственная, кто остался со мной со времен до «Гавани». Все остальные мои помощники, их помощники, помощники Гейл прошли строгий отсев Марка. Гейл осталась. Она – памятник той жизни, откуда я пришел. Кусочек истории из времени, когда мне и в голову не могло прийти, что на меня в эфире программы «Доброе утро, Америка» набросится фанатка.

Вот уж не думал, что когда-нибудь намеренно не отвечу на вопрос по «Звездной россыпи». Я знал ответ и на него

тоже, это слишком просто. Но таков сценарий. Я должен был споткнуться на вопросе про а'блену, промокнуть и показать кубики на животе. Такая у меня работа.

Гейл кивает в сторону моей шеи.

– Сильно болит?

– Я ее чувствую, наверное, это хороший знак.

Кивая, она садится рядом со мной. Едва охрана оттащила фанатку, продюсеры тут же отправили меня в гримерную. Расплатиться и перепроверить договор, который я подписал перед шоу. В основном чтобы я не засудил их за травмы. Конечно, я не собирался подавать в суд, но как только Марк узнал о произошедшем, приказал нам оставаться в студии до его приезда. Он не задумываясь подаст в суд на программу.

Но меня больше всего беспокоит даже не это.

Я обращаюсь к Гейл.

– И кто же собирался рассказать мне про конкурс на «ЭкселсиКоне»?

– Извини. Я только... – Обычно, общаясь со мной, Гейл не отводит глаза, а тут достала телефон. – Так много всего случилось, я как-то упустила.

– Гейл...

Она проверяет почту. Еще одно преимущество нашей долгой совместной работы: я всегда знаю, когда она врет.

– Здесь не жарко? – Она начинает обмахиваться. – По-моему, очень жарко. Пойду, попрошу включить кондици...

Я кладу руку ей на плечо, мешая встать, и протягиваю па-

кет со льдом. Она прижимает его к разгоряченным щекам.

– Я не создана для этого, – признается она.

– Шутишь? Без тебя я бы пропал. И ты это знаешь!

– Это все моя вина. Я все всегда порчу. – Она качает головой, зарываясь лицом в пакет со льдом.

– Вовсе нет. Эту присоску невозможно было предвидеть.

– Присоска? Ужасное прозвище, Дэриен.

Я пожимаю плечами.

– Она не потрудилась даже представиться. Обычно я хотя бы знаю имя той, с кем целуюсь. Видела взгляд того парня?

– Рика Дейли?

– Он с такой скоростью закрыл лицо, словно его подбородок застрахован на полмиллиона.

Зря я это сказал. Гейл в ужасе роняет пакет со льдом и осматривает меня, приподнимая пушистые волосы, проверяет руки.

– Черт, черт, черт! А лицо? Лицо в порядке? Что, синяк? У тебя завтра съемки! Я же предупреждала Марка, чтобы не пускал тебя в это шоу. Марк прибьет меня, если...

Я хватаю ее за руки и вру.

– Гейл, все будет хорошо. Со мной все в порядке, – повторяю я, мягко опускаю ее на диван и, вкладываю пакет со льдом ей в руку.

Гейл стала для меня почти другом с тех пор, как настоящие друзья оказались дерьмом. Я знаю ее и доверяю ей. Ее голосок звучит у меня в голове, когда я собираюсь совер-

шить очередную глупость. Например, брать уроки пилотажа у Харрисона Форда или купить дом на одной улице с Джастином Бибером. Она всегда волшебным образом мгновенно вызволяет меня из трясины фанатов или стаи папарацци.

– Но я забыла рассказать о конвенте! «ЭкселсиКон», я совсем о нем позабыла.

Это название ледяным осколком пронзает мне живот. Наверное, она замечает, как кривится мое лицо, потому что снова начинает волноваться.

– Ой, это же тот, куда ты ездил раньше. С...

– Все хорошо, – снова вру я. – Подожди, я сейчас вернусь.

Я медленно пячусь из гримерки и тихо затворяю дверь. Ощупываю рану во рту, там, где зубы присоски врезались мне в губу. Может быть, Марк прав: мне нужен кто-то, кто сможет отгонять фанатов, в крайнем случае применить силу.

«Нет, остановись, – говорю я сам себе. – Ты им доверишься. Ты любишь своих фанатов. Ты крутой, забавный и прикольный. Ты Дженнифер Лоуренс».

Но, несмотря на попытки убеждения, сердце уходит в пятки. «ЭкселсиКон» – не просто конвент. Это тот самый «ЭкселсиКон». Конвент, на который я летал через всю страну с лучшим другом Брайаном. Еще до того, как начал прятать лицо, отправляясь на свидание в ресторан. В то время, когда я спокойно мог ходить на свидания. Когда не был у всех на виду. До того, как мой пресс стал звездой экрана.

При этой мысли у меня сводит живот. От аэромакияжа,

то есть контуринга, кожа горит как в аду. Боль причиняет сама мысль о возвращении на конвент. Если вернусь, это будет означать, что я уже не тот Дэриен. Не тот обычный, ну, в смысле странный, с причудами парень с нормальными друзьями, которые его не предавали.

Поэтому я всегда говорю, что не посещаю конвенты. Все это знают. И Гейл, и Стейси, мой агент по рекламе, и Марк, и бесчисленные ассистенты, которых он то и дело увольняет. Это не секрет. Может быть, это даже написано в моем личном деле, выделено цветом и жирно подчеркнуто. Так что да, меня это несколько выбило из колеи.

Только я прислоняюсь к двери в гримерку, как громогласный оклик заставляет меня подпрыгнуть.

– Дэриен!

Это папа. У меня сжимает горло.

– Привет, старик, – я пытаюсь отшутиться.

Называть себя папой он не позволяет уже три года. Говорит, для поддержания имиджа. Надеюсь, мой голос звучит радостно, хотя видеть отца я вовсе не рад.

– Наконец-то вырвался из Лос-Анджелеса?

У него резко меняется выражение лица, становится напряженным и недружелюбным в слабом свете казенной лампочки, протянутая рука падает сама собой. Сейчас он больше похож на манекен, чем на живого человека. Но большинство тех, кто ненавидит морщины, со временем неизменно превращаются в далеков.

– И что ты здесь делаешь без Гейл? Так и знал. Надо было нанять тебе телохранителя.

– Она в комнате. – Я показываю на дверь. – И мне не нужен телохранитель. Мои фанаты... они просто страстные, но...

– А если бы по коридору шел не я? Слишком рискованно. И ты это знаешь. Особенно теперь, когда ты станешь Принцем как его там... – Он неопределенно взмахивает рукой.

– Карминдором.

– Вот именно, – фыркает Марк. – Главная роль. Все хотят такую. Ты теперь ценность. Стоишь миллион долларов.

– Я бы согласился на эту роль задаром.

Марк щелкает пальцами у меня перед носом.

– Не говори так. Никогда так не говори.

И оглядывает коридор, словно волнуется, что кто-то подслушивает меня.

– Кстати, а что ты делаешь снаружи?

Я задумываюсь. Надо просто сказать все как есть. На «ЭкселсиКон» я не еду. Ни за что. Это будет не прогулка по площадке и очереди за автографами, а вечные фотосессии. Улыбка до боли в мускулах. Слепота от вспышек. Отваливающаяся рука. Лжедрузья, притворяющиеся, что знают меня. И накатят дурные воспоминания. Это не то, чего я хочу от конвента.

– Ну, словом, хотел поговорить с тобой о...

– Где Гейл?

Я снова тыкаю пальцем в дверь.

Он тихо что-то бормочет и поправляет запонки.

– Я ей плачу не за панические атаки.

– У нее выдался тяжелый день.

– У меня тоже. И у тебя. А ведь сегодня даже не понедель-

ник.

– Вообще-то, понедельник, если что.

– Встреча с прессой после съемок будет непростой. Сегод-
няшнее шоу должно было пройти легко.

– Присоска легко залезла на сцену, – замечаю я. – Кстати,
хотел поговорить с тобой о...

– Давай потом? – обрывает он, доставая мобильник. Тот
снова звенит. Почта или смс. – Я с этим разберусь. Иди, пе-
рекуси пока. Потом поговорим, обещаю.

У меня опускаются плечи. Марку неизвестно значение
слова «обещать». «Потом» не наступит никогда.

– Хорошо.

– Вот и отлично. И еще, Дэриен...

– Да?

– Не забывай о диете. Кажется, столовая на третьем этаже.

Я корчу гримасу.

– Столовая? Старик, там все картонное.

– Старик, съешь салат.

Я поджимаю губы. С новым режимом и персональным
тренером (она напоминает Росомаху с характером мокрой
кошки – в общем-то просто Росомаху), я питаюсь одними

протеиновыми коктейлями и кроличьей едой. И курицей. Я ем столько курицы, что скоро из меня полезут перья. И даже без специй. Все, чтобы я выглядел на те миллионы, которых стоит мое тело.

Первоначальный Принц Федерации Дэвид Сингх мог не париться об упражнениях, кардионагрузке, аэромакияже или фанатках в прямом эфире. И хотя оригинальный сериал не получил высокого рейтинга, каким-то образом он стал культовым. Работа Сингха вдохновила фанатов, он научил людей мыслить вне привычных рамок и воспламенять звезды.

Моих фанатов притягивает моя фигура.

Если бы я был Дэвидом Сингхом, если бы я действительно был Карминдором, велел бы Марку отвалить. Конечно, не в столь грубой форме. Он бы выслушал меня, и я бы сейчас уплетал бургер.

Но я не Карминдор. Не в этой вселенной.

Еда в столовой на третьем этаже еще хуже картона. Целый прилавок завален чистым глютенom и грехом. Пончики. Ничего, кроме пончиков. Пончики везде, куда достает глаз. А в стороне, словно ребенок-эмо в школьной столовой, одиноко примостился фруктовый салатик.

– Только мы друг у друга и остались, малыш. – Я беру салат и сажусь за стол.

Еще несколько человек завтракают. Конечно, пончиками. Я прохожу мимо них в дальний угол, к столику у окна. От-

сюда виден Рокфеллеровский центр. Сине-серебряная толпа фанатов «Звездной россыпи» почти рассосалась. Странно думать, что все они пришли из-за меня. Крутит живот, и фруктовый салат тут ни при чем.

Я поддеваю кусочек ананаса. Боковым зрением замечаю, как ко мне направляется какой-то мужчина. До этого он поглощал божественного вида пончик в шоколадной глазури. Он старше меня, в очках в тяжелой оправе, со вспотевшими усами.

– Привет. Ты Дэриен Фримен?

Если ты знаменит, то слышишь такое постоянно. И что мне отвечать? «Верно, угадал»? Но нет, я протягиваю руку.

– Привет. Приятно познакомиться.

Он не отвечает на рукопожатие.

– Шикарное вышло шоу.

Я сразу слышу сарказм в его голосе.

– Спасибо, дружище. – Я слегка улыбаюсь.

– Мы с приятелями из ассистентов только что его обсуждали, – он склоняется ближе. – Можно я спрошу? Только между нами?

Мне не нравится происходящее, но что я могу тут поделать? Здесь даже нет Гейл, чтобы отвлечь его, пока я убегая. Ерзаю.

– Конечно, спрашивай.

– Ты вообще хоть что-нибудь знаешь о «Звездной россыпи»?

Брови сами собой ползут на лоб.

– Ты можешь обдурить фанатов «Гавани», но они не распознают стоящее телешоу, даже если оно упадет им на голову. Готов поспорить, ты не отличишь Карминдора от Капитана Кирка.

Это не вопрос, а утверждение.

– Знаешь, «Звездная россыпь» много кому дорога. Это не безделушка. И не денежная корова. Это не просто способ попасть на билборды. Она действительно много значит. Не угробь шоу, парень. – Он уходит, потом останавливается и оборачивается ко мне. – И, кстати, я не один так думаю. Ты посмешище.

– Никогда не умел смешить, – пытаюсь вымучить улыбку. – Я не настолько смешон.

Он не улыбается.

– «Звездная россыпь» для нас не игрушка. Мы семья, а не франшиза. Загляни в сеть.

Он уходит быстрее, чем мне удастся подобрать вежливые слова, достойные кинозвезды.

Я сжимаю вилку. Хочется схватить его за накрахмаленный воротничок рубашки, развернуть и воткнуть жест клятвенного обещания – указательный и мизинец растопырить, два средних пальца вместе и большой палец вниз – прямо ему в глаза. Завладев его вниманием, я бы до мельчайших подробностей пересказал все пятьдесят четыре эпизода, которые смотрел с религиозным фанатизмом, как ни один под-

росток в окрестностях Лос-Анджелеса. Рассказал бы о Короле Мглы, и Принцессе Амаре, и каждой луне, вращающейся вокруг Шестой галактики, и каждой карликовой планете, от Туманности Хеликс до Андромеды. Хотел бы сказать ему, что значил для меня завершающий монолог. Что я чувствовал, когда кто-то в команде «Просперо» походил на меня. Я хочу вырезать из груди мое фанатское сердце и показать, что оно истекает кровью, как сердце каждого Звездного Стрелка. Сказать ему, что Принц Федерации Карминдор спас мне жизнь.

Но я этого не делаю. Марк в моей голове все время повторяет: «Не теряй хладнокровия. Слушайся продюсера. Обналичь чек. Будь звездой». А чаще всего: «Не попадай на первую полосу».

«Просто загляни в сеть», – посоветовал так называемый истинный фанат. Я отодвигаю наводящий тоску фруктовый салат и достаю телефон, чтобы загуглить, что он имел в виду. Обо мне уже написал кто-то из топовых пользователей «Твиттера»? Или что-то уже появилось на сайтах, собирающих сплетни?

Долго искать не приходится. Пара поисков по хэштегам, имеющим отношение к «Звездной россыпи», и вот оно. Пост в блоге, ссылка на него в крупной соцсети. «Фантастика или фансервис?».

Я с нехорошим предчувствием открываю ссылку.

Кумира подростков Дэриена Фримена в роли благородно-

го Карминдора можно воспринимать лишь как удар против настоящих фанатов «Звездной россыпи».

Больше тысячи ретвитов. Сотни комментариев. Великолепно.

Я копирую ссылку и начинаю писать Гейл, собираясь выдать это за причину, по которой мне не стоит ехать на конвент. Фанаты просто съедят меня заживо. Нет, не пишу. Марк сейчас с ней, а если прослышит о плохих отзывах в сети, пусть даже от простого блогера, он поместит меня под наблюдение двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. И заставит ехать на конвент. А там соберется толпа таких же, как мистер истинный фанат и автор блога, кто бы он ни был, и тогда мне конец. Я унижен. Это хуже бассейна с водой. Но если Гейл не сможет меня выволить, а Марк не захочет...

Что бы сделал на моем месте Карминдор?

Я раздраженно бросаю телефон на стол. Во всяком случае, он бы не винил других в собственных проблемах. Он бы взял все в свои руки. Может, я сам могу связаться с конвентом. Притворюсь собственным помощником, я же актер, в конце концов. Поговорю с директором конвента и разберусь в ситуации. Я нахожу сайт «ЭкселсиКон» а и снова начинаю его изучать. Пытаюсь отыскать телефон менеджера по организации мероприятий, но теряюсь в запутанной системе внутренних номеров. Мне нужен живой человек. Через некоторое время нахожу страничку «О нас». Там нет контактов, за-

то есть имя человека, основавшего конвент. Заглядываю в телефонный справочник, и вот его номер у меня в руках.

Бинго.

Я прочищаю горло, вбиваю номер, слушаю гудки. Может быть, фанаты меня и в грош не ставят, считая безмозглым сериальным актером с напыженными волосами вместо таланта. Как выразился автор поста. Но я актер. Пришла пора применить это умение на практике.

Эль

Сейдж поставила машину на углу общественной парковки Айл оф Палмс, прямо под знаком, запрещающим автокафе. На пляже полно народу, но покупателей мало. Июнь в Чарлстоне липкий и тяжелый, как патока в придорожном кафе. Даже прибрежный бриз не в состоянии разогнать сырость, а потому всем лень шевелиться. Туристы просто лежат на песке, как поджаривающиеся на солнце шматы мяса.

Я жую кончик ручки и смотрю в тетрадь. Рядом Сейдж царапает что-то в блокноте, карандаш тихо чиркает по бумаге.

Я тайком заглядываю ей через плечо. Вижу изображение девочки. Впрочем, нет, она безлика. Это изображение платья.

– Вау, красивый рисунок! – говорю я.

Сейдж поднимает голову, хмуря темно подведенные брови.

– Нет, я не удивлена, – быстро добавляю я, чувствуя, как краснеют уши. – Не знала, что ты так здорово рисуешь. Ну, я-то рисовать не умею.

Очередной содержательный диалог между коллегами. Клянусь, я пытаюсь быть со всеми дружелюбной, исключая близнецов и их друзей из загородного клуба, но у меня ничего не выходит. Думаю одно, говорю совершенно другое, словно мной кто-то управляет. Какая-то толпа идиотов.

Сейдж долго соображает, возвращается к блокноту и длинной линией прочерчивает изгибы платья.

– Как ты думаешь, кто нарисовал тыкву на фургоне? – интересуется она, не поднимая глаз. Я что-то отвечаю, она обрывает меня. – Спойлер. Это была я. – Затем она кивает головой в сторону покупателя. – Твоя очередь.

Я вздыхаю, закрываю тетрадь и поворачиваюсь к окошку заказов. Высокий парень, чьи лохматые волосы давно нуждаются в стрижке, завиваясь вокруг ушей.

Он сразу же узнает меня.

– Ой, привет, Эль.

Я поджимаю губы.

– Привет, Джеймс.

У меня по спине течет пот, я волнуюсь. Джеймс Коллинз – один из приспешников близняшек в загородном клубе. Кроме того, он – одна из причин, по которой я поклялась никогда не доверять мальчишкам. Может быть, это моя вина. Я решила, будто кто-то вроде Джеймса может заинтересовать-

ся мной, но это не я сняла на видео неудачное свидание в загородном клубе и отправила ссылку на «Ютуб» всей школе. Нет, естественно, это сделали мои очаровательные близняшки-видеоблогеры. Словно они недостаточно отравляли мое существование. Джеймс просто удачно вписался в их план.

На нем темно-синие плавки и футболка с надписью «Я выбираю “Просперо”» и изображением силуэта звездного корабля, который вращается вокруг последнего слова, переходя на скорость света.

Я прочищаю горло и показываю на футболку.

– Слышала, в это время года на обсервационной палубе очень хорошо.

– Что? – Он переводит взгляд с меня на Сейдж, но она не обращает на него никакого внимания. Он смотрит на футболку. – А, это? Просто старая футболка моего брата. Он помещан на этой ерунде.

– Ерунде? – я борюсь с желанием засунуть ему в горло холодный безвкусный гигантский пончик. Ерунда. Ложь. Прощлым летом он не считал это ерундой. – И что же здесь такого глупого?

Сейдж пинает меня под прилавком. Я злобно смотрю на нее. Она отвечает тем же из-под сверкающих искусственных ресниц. Снова поворачиваюсь к клиенту.

– Что ты хочешь?

– Он хочет чимичанги, – говорит Сейдж, откладывая блокнот. – Разве не так?

– Ну-у, – Джеймс выглядит так, словно гораздо больше вегетарианской еды хочет убраться подальше от девчонки, помешанной на «Звездной россыпи», и ее пестрой компаньонки с пирсингом, – конечно.

Он платит собственной кредиткой, берет у Сейдж чимичангу и спешно сбегает. Я, все еще злясь на Джеймса, сажусь на холодильник и открываю блокнот, чтобы набросать в блог обличающий пост о том, как еще можно использовать идеальное тело Дэриена Фримена.

Способ номер один: стиральная доска.

Номер два: маскировочный костюм для преступников.

Номер три: прототип для куклы Кена.

Номер четыре: НЕ Карминдор.

На другом конце фургона карандаш Сейдж быстро чиркает по бумаге. Зеленые волосы спадают ей на лицо, она рассеянно отбрасывает их назад.

– Парень выглядел как кретин.

Это одно из самых длинных предложений, какие я от нее слышала. Даже не знаю, что ответить.

– Между вами что-то было?

Не дождавшись ответа, она пожимает плечами и кивает в ту сторону, куда ушел Джеймс.

– Мы же ходим в одну школу. Ты наверняка видела видео.

Она хмурится, закусывает розовыми губами оранжевое кольцо в нижней губе, но я не могу понять, видела она ролик или нет. Коль скоро подняла эту тему, скорее всего, не

видела. И меня это радует. Прошлому лету лучше остаться в Черной Туманности. Исчезнуть.

Мой телефон выбирает на редкость удачный момент, чтобы завибрировать. Не узнаю номер. Впрочем, меня это не удивляет. Я унаследовала номер телефона от папы, поэтому мне иногда звонят и пишут совершенно незнакомые люди. Обычно по поводу «ЭкселсиКона». И я обычно, точнее, всегда, их игнорирую. Рано или поздно они дозвонятся нужному человеку, а если хочешь что-то забыть, лучше об этом и не вспоминать. Не то чтобы я хочу забыть папу, но всякий раз, когда думаю об «ЭкселсиКоне», о том, что опять туда не еду, кажется, что я предаю его.

Перевожу звонок на голосовую почту, но это не приносит облегчения. Этот человек не виноват, что биография папы до сих пор висит на сайте конвента. Они тоже скучают по нему. И частичка меня, настолько крошечная, что я, как правило, без труда задвигаю ее в дальний угол, думает, что это папа звонит мне из другой вселенной.

Поэтому, когда телефон снова вибрирует – на этот раз пришло сообщение, – я беру его.

Неизвестный номер, 11:36

– Привет. Не могли бы вы уделить время Принцу Федерации?

– Он очень извиняется, но кое-что случилось.

Раздражение моментально сменяется любопытством. Наверное, один из чудиков-косплееров. После сегодняшнего анонса все кому не лень будут играть Карминдора. Профессиональные косплееры наверняка предпочтут иной образ.

Я не успеваю ответить, телефон вибрирует снова.

Неизвестный номер, 11:39

– Пожалуйста. Он очень устал. У него много работы.

Сегодняшний день переполнен «Звездной россыпью». Не задумываясь я печатаю ответ:

11:40

– Работы? Какой? И, насколько мне известно, Карминдор не извиняется.

Мгновенный отклик.

Неизвестный номер, 11:41

– Это для разнообразия.

– Это правильный номер? «ЭкселсиКон»?

11:42

– Нет.

– Но могу предложить неземную скидку на веганские чичмичанги.

Неизвестный номер, 11:42

– Звучит эпично. Может, в другой раз.

– Не знаешь, кому мне написать?

Да. Может быть, я могла бы подсказать ему верное направление, хотя и не поддерживала контактов с коллегами папы с «ЭкселсиКона» с тех пор, как... Словом, довольно долго. Но могла бы отыскать кого-то. Я никогда не пыталась сделать это раньше. Не хотелось.

11:43

– К сожалению, нет.

Может, там будет не так уж плохо.

Знаешь, смело иди.

Неизвестный номер, 11:43

– Не то шоу, но спасибо.

– И да, пребудет сила с теми чимичангами.

– Смотри, смотри! – кричит Сейдж.

Я отрываюсь от телефона. Прямо перед нами Джеймс вылетает из магазина пляжной одежды, отталкивает волосатого парня и несется к общественным туалетам.

Широко распахнув глаза, я смотрю на Сейдж.

– Ты же не... Это новая партия чимичанги или остатки с прошлой недели?

Она дьявольски улыбается, пожимает плечами.

– Кто знает? Время – явление непостижимое.

Сейдж щелкает пальцами, отчего позвякивают ее многочисленные браслеты. Неужели она, чтобы отомстить за меня, только что отравила моего врага веганской едой? Даже не знаю, благодарить ее или ужасаться. Телефон снова вибрирует.

– Извини. – Я смотрю на экран. – Мне все время пишут с неизвестного номера.

Вижу сообщение, и в животе что-то переворачивается.

МонстроМачеха, 11:44

– Охранник соседей звонил по поводу автокафе на нашей подъездной дорожке.

– Вечером поговорим.

– Сначала зайди в магазин. Вот список [одно вложение].

Когда я снова подняла глаза, Сейдж уже безмолвно погрузилась в свой альбом. Следующие четыре часа с загадочного номера никто не пишет.

Я снова совсем одна.

Видимо, мистер Рамирез пожаловался на нарушение тишины в выходной, иными словами, просто наябедничал на меня Кэтрин. Поэтому, когда Сейдж высаживает меня в конце улицы, чтобы мачеха не услышала фургон, в наказание мне велят отмыть чердак. И вырезать купоны за ближайший

месяц. И мыть посуду. И ходить за продуктами. Короче, все, что я и так делаю, только теперь это называется наказанием.

Кэтрин протягивает мне резиновые перчатки и респиратор.

– Тебе повезло. Я не загружаю тебя работой на остаток летних каникул. Ты хоть представляешь, как мне пришлось унижаться, извиняясь перед Джорджио? Как я буду смотреть ему в глаза на пилатесе? Это уважаемое общество, Даниэль. Здесь нельзя парковать отвратительные фургоны на подъездной дорожке. Ну правда, дорогая, что бы подумал твой отец?

Отец бы подумал, что она монстр, раз встает на сторону того, кто оставляет бедную таксу на улице в плохую погоду. Может быть, папа даже забрал бы Франкентаксу к себе домой. Но больше всего папе не понравилось бы то, что она выбрасывает его вещи, транжирит наши деньги, при этом делая вид, что все идеально.

До сих пор не понимаю, как он вообще мог в нее влюбиться.

– Да еще и работаешь с девчонкой с зелеными волосами и кучей пирсинга! Она наверняка плохо на тебя влияет.

Я наконец поднимаю глаза, испугавшись, что она заставит меня бросить работу.

– Мне нравится моя работа.

Но она непринужденно продолжает.

– Я предупреждала Робина, что, когда ты вырастешь, с тобой будет уйма проблем. Наверное, этого было не избежать.

У меня начинают трястись руки.

– Я ходила на работу! Я ответственная!

– Не спорь со мной.

– Ты обращаешься со мной как с преступницей.

Она удивленно смотрит на меня. Очень спокойно говорит, показывая на лестницу:

– Иди, мой свой чердак. Пока не слишком поздно.

Вот и отлично.

Я выхожу из кухни, поднимаюсь по лестнице, натягиваю респиратор, проходя мимо спальни близняшек. Вдруг из их стереосистемы раздается жутко громкая песня. Это заставляет меня остановиться и вернуться. Сквозь щель в двери я вижу Хлою и Калли посреди комнаты, лицом к своему «маку». Они ждут, когда песня заиграет сначала. Я таращусь, разинув рот. Хлоя начинает беззвучно петь, держа расческу наподобие микрофона. Ее подбородок сжат какой-то странной розовой штуковиной, рот едва шевелится, но она виляет бедрами и вертит головой.

Близняшки помешаны на корейских продуктах красоты.

Калли в ярко-малиновой маске для лица, больше похожая на лучадора, чем на бьюти-влогера, подает сестре какие-то знаки. На середине песни Калли наконец краем глаза замечает меня и застывает посреди движения. Хлоя врзается в нее, обе валятся на пол.

– Какого черта ты творишь? – рявкает Хлоя. Точнее, пытается. На деле получается какая-то мешанина слов из-за непо-

движной челюсти. – Растяпа!

Калли быстро отворачивается от двери, но слишком поздно. Ой-ой-ой.

Хлоя пытается понять, что ее отвлекло, бледнеет, заведя меня, и бросается к компьютеру, ставя видео на паузу.

– Совсем чокнутая? Никакого уважения к личному пространству! – кричит она, бросаясь ко мне.

– Дверь была открыта, – возражаю я. – Услышала «Спайс Герлз». Вы репетировали?

Она хмурится.

– Когда у нас будет новый дом, я попрошу маму поселить тебя под лестницей.

Я закатываю глаза.

– Да как хочешь.

И направляюсь к своей комнате. Потом вдруг останавливаюсь. До меня наконец доходит смысл ее слов. Я возвращаюсь.

– Что ты сказала?

Она скрещивает руки на груди и прислоняется к дверному косяку.

– Видимо, мама тебе ничего не рассказала.

Позади нее Калли снимает с себя маску и морщится.

– Хлоя, оставь ее в покое.

– Ну нет, кто-то же должен ей рассказать.

– Рассказать что?

Она наклоняется ко мне, выглядывая из комнаты. Близ-

няшки высокие и длинноногие, поэтому, когда Хлоя хочет казаться выше, становится похожа на Око Саурана.

– Почему, как ты думаешь, мама попросила тебя почистить чердак, а?

– Там грязно, – ничего не понимая, отвечаю я. – К нему лет семь не прикасались.

– Да потому что она продает дом, гений ты мой.

Я широко раскрываю глаза. Перевожу взгляд на Калли, которая никогда не лжет. Калли немного другая. Не в силах посмотреть мне в глаза, она сдирает маску, удаляя с лица мельчайшие волоски.

– Ну вот ты и знаешь, – усмехается Хлоя.

Дом моих родителей? Этот дом? Я пячусь. Хлоя лжет. Это не может быть правдой.

Я резко разворачиваюсь и бегу на кухню. Стены плывут передо мной. Кэтрин отрывает взгляд от купонов.

– Ты продаешь его? – Я сдираю респиратор, пытаюсь сделать вдох, но безуспешно. – Ты... ты правда продаешь дом?

Мачеха качает головой, словно не имеет ни малейшего понятия, о чем я говорю. Какое-то мгновение мне кажется, что это хороший знак. Она же не может сделать что-то настолько ужасное. Но потом она говорит:

– Это для твоего же блага. Ты поймешь.

У меня сжимается горло, я не могу ничего сказать. Она продолжает:

– Он слишком большой и ветхий. Когда близняшки уедут

в колледж, что мы будем с ним делать? Я думаю, лучше всего его продать.

– Когда ты его продаешь?

Она терпеливо и с жалостью смотрит на меня.

– Милая, ведь поэтому я и попросила тебя почистить чердак. Он уже выставлен на продажу.

Я прислоняюсь к дверному косяку, чтобы не упасть. Комната сжимается вокруг меня, вращается, тает, будто вселенная снова меняется. Так же было, когда умер папа. Двери захлопнулись, оказались заперты. Дороги пропали. Из мира исчезли все «если», как пыль на ветру.

Я делаю шаг назад. Потом еще один. Кэтрин терпеливо смотрит на меня.

– Даниэльль, всем нам нужно чем-то жертвовать. Борьба закаляет характер, в конце концов.

Я мигаю сквозь слезы, поворачиваюсь к лестнице и поднимаюсь на второй этаж. Не буду заниматься чердаком сегодня. Чердак подождет. Семь лет ждал. Может подождать, пока мы уедем.

По дороге в комнату я прохожу мимо Хлои.

– Я же тебе говорила.

Я оборачиваюсь и, прищурившись, смотрю на нее. Она сняла дурацкий корректор подбородка, но я вижу отпечаток на лице.

– Знаешь, у тебя подбородок стал тоньше.

– Правда? – Ее глаза светлеют.

– Нет.

Я закрываю дверь в мою комнату. Запираю ее.

Ну и что теперь делать? Куда я поеду? Это же мой дом. Этот дом, эти стены. Я тру нос, не желая плакать, сажусь перед стареньким стационарным компьютером. Комната у меня крошечная, в нее влезают только кровать и письменный стол. Близняшки сюда не заходят, а Кэтрин не выносит маленьких пространств. Строго говоря, это единственное место во вселенной, которое принадлежит только мне.

Но даже оно скоро перестанет быть моим.

Я вожу мышкой, пока компьютер не оживает, достаю конфетку Hershey's Kiss из закладки на дне ящика. Под конфетами спрятаны деньги, которые я копила с прошлого лета, когда работала в загородном клубе. 721 доллар. Это единственное надежное место, куда не заглянут ни близняшки, ни Кэтрин. Я на мгновение представляю, как сажусь на первый же «Грейхаунд» и уезжаю отсюда с Франко на поводке. Интересно, в автобусах «Грейхаунд» можно перевозить собак? Собственно, они называются породой собаки, так что почему бы и нет? Я начинаю гуглить и тут замечаю, что у меня на почте куча уведомлений. Все из блага.

Отлично. Опять спам. А мне казалось, хуже уже не будет. Захожу в блог, готовясь все удалять. Проходит некоторое время, прежде чем я понимаю: что-то не так. Комментарии к моему последнему посту – не спам. Это пост о Дэриене Фримене в роли Карминдора.

Никто никогда не комментировал мой блог. Никто даже не знал, что он существует.

А теперь здесь больше двух сотен комментариев.

Я достаю еще одну конфетку и открываю пост, опасливо листая комментарии.

Хотя бы его не сделали белым.

Но актер он фиговый.

Я проверяю количество просмотров и чуть не давлюсь шоколадкой. Больше сотни тысяч. Ссылка на пост на всех новостных сайтах. Настоящих новостных сайтах.

«Фанаты недвусмысленноотреагировали на объявление нового актерского состава “Звездной россыпи”» – гласит один из заголовков.

«Фантастика или беда для фанатов?» – вопрошает другой. И все они цитируют мой блог. Что происходит? «Это сон, Элли», – говорю я себе. Проверяю количество подписчиков. На данный момент – десять тысяч. А что с другими постами? Двадцать семь тысяч. Тринадцать тысяч. И уйма комментариев.

«”Морская гавань“ хуже всего!»

«Не могу ПОВЕРИТЬ, что его пустят на “ЭКОН”!»

«Стрелки явно не обрадуются Фримену на своем конвенте!»

«Не позволю ему подписать НИЧЕГО из моего мерча! НИ ЗА ЧТО».

У меня екает в груди. Мои родители познакомились два-

дцать с чем-то лет назад в очереди за автографом. По рассказам папы, мама подошла к нему, пока они стояли в очереди, чтобы встретиться с актерами Дэвидом Сингхом и Эллен Норт, Карлом Томпсоном и Кики Санчес – первоначальными Карминдором, Амарой, Юци и КЛЕ-о. Потом мама улыбнулась папе и сказала: «Я слышала, в это время года на обсервационной палубе очень хорошо». И все.

Вместе их было не остановить. Папа не знал, как гладить штаны, не то что шить костюмы для косплея, зато мама была профессионалом. В определенных кругах ее знали как королеву косплея. На годовщину она подарила ему униформу Принца Федерации, он в ней выглядел волшебным, тогда у него еще были волосы. Он всегда говорил, что слыл аппетитным. Я смеялась, но на всех фотографиях, которые Кэтрин выбросила, он действительно очень красивый. В стиле 1980-х. Немного как Мартин Макфлай.

В мире «Звездной россыпи» мама и папа по праву стали знаменитостями, а прославиться среди фанатов до появления интернета было не так уж просто. Потом папа основал «ЭкселсиКон».

Листаю дальше. Еще комментарии. Однако меня захлестывают эмоции, не могу больше читать. Я отхожу от компьютера, переодеваюсь в пижаму и бросаюсь лицом на кровать. Это просто не может быть правдой. У моего блога столько просмотров. Это наверняка чья-то шутка. Да, точно, кто-то пошутил. Но друзья Хлои не очень умны, а больше

никому это не нужно.

В чердачном окне вспыхивает молния. Сквозь влажное дерево я чувствую дождь в воздухе. Папа обожал грозы, сидел со мной на крыльце, и мы вместе на них смотрели.

– Это борются звезды, Звездочка моя.

Звездочка. Так он называл меня. Как в стишке: «Звездочка в небе ярко горит, вечером спать мне ложиться велит».

Сколько раз мы вместе смотрели из этих окон? Я утыкаюсь лицом в подушку, чтобы больше не видеть неба. Без этого дома мне незачем оставаться здесь. Кэтрин не хочет, чтобы я здесь жила, близняшки тоже рады от меня избавиться. А мне больше некуда идти. Мне нужен «Просперо», который прилетит и унесет меня отсюда.

Мне нужен билет в другую вселенную.

Снаружи гром медленно пересекает океан, съедая на своем пути все звезды.

Дэриен

Матрас в отеле слишком мягкий. Они всегда очень мягкие. Мне иногда снится, что я в них тону. Трудно представить кошмар хуже. Разве что падение. Но кошмаров, в которых я падаю, не случалось с тех пор, как в кульминационной серии первого сезона «Морской гавани» один трюк не удался. Страховка порвалась, и я упал с двадцати футов. На поролон, но все же. На две секунды я позабыл, что это замас-

кированный поролон, а не цемент.

Как я буду сниматься в «Звездной россыпи» и передвигаться на страховке в открытом космосе, если до сих пор не могу без дрожи вспомнить это падение с двадцати футов? Хуже всего, если тот мужик в столовой прав.

Я снова взбиваю подушку и переворачиваюсь на спину, пытаюсь о нем забыть. На потолке ни пятнышка. Отличительное свойство дорогих отелей. Я еще помню то время, когда Марк селил меня не в пятизвездочных отелях, а я только проходил кастинг для сериала «Морская гавань». Он привез меня на кастинг в Санта-Барбару и забронировал ветхий «Мотель 6», где по потолку ползали тараканы.

Все без толку. Не могу уснуть. Сажусь, почесывая живот там, где аэромакияж вызвал раздражение на коже, иду к мини-холодильнику. Низкокалорийное пиво, бутылки воды. Я не хочу пива, хотя уверен, что все восемнадцатилетние парни меня сейчас не поймут, и вода тут какая-то странная, с добавлением электролитов.

На самом деле я хочу «фанту». Это единственный пункт, на какой бы диете я ни сидел. Где-нибудь здесь должен быть автомат с напитками. К тому же пройти по коридору куда лучше, чем сидеть взаперти.

Я продаваю голову в ворот толстовки в тот момент, когда дверной замок щелкает и мигает зеленым. Входит Марк после встречи с каким-то агентом, или продюсером, или кем-то там еще.

– Эй, тебя стучаться не учили? – недовольно ворчу я, натягивая толстовку.

– Учили.

Он достает из холодильника безвкусное пиво и открывает его.

– Как тебе номер?

– Я собирался купить «фанту».

– Позови горничную. – Он достает меню из-за телефона на столе в гостинной зоне. Да, в моей комнате есть гостинная зона.

– Что ты хочешь? Я сейчас закажу.

– Неважно. Просто возьму бутылку воды. – Я достаю бутылку из холодильника. Вода с электролитами настолько же безвкусна, как пуста моя душа. – А чего хочешь ты?

– А что, папа не может провести немного времени со своим сыном?

Я смотрю на него.

– Ну ладно.

Он делает еще глоток, ставит пиво на кофейный столик. Садится в пухлое бархатное кресло. Я сажусь напротив. Мы похожи, от коричневой кожи до черных волос. Но у меня нос матери, а характер, видимо, достался от ее отца. По крайней мере, так говорит Марк. Они расстались давно, до эры «Морской гавани». Мама вернулась к своей семье в Лондон. Я ее не виню. Если так тяжело быть сыном Марка, могу себе представить, каково быть его женой. Сейчас она занимается

благотворительностью в Индии вместе с новым мужем. Или снимается для итальянских журналов, или еще что-то в этом роде. Раньше она приглашала меня на семейные праздники, чтобы я встретился с ее родней. Один раз я поехал, но, поскольку вырос с папой, не знал, как обращаться к бабушке с дедушкой, не знал этикета за столом, например, того, что нужно пользоваться правой рукой, никогда не наливать себе напиток самостоятельно, есть только после того, как поест старший за столом. Все там были очень открыты и дружелюбны, но я чувствовал себя дураком, не в своей тарелке, лишним кусочком мозаики.

После того неудачного визита я перестал к ним ездить, а через некоторое время и мама перестала приглашать меня, сына голливудского выскочки, извините, менеджера. Так что теперь остались только мы с Марком, объединенные лейблом Фримен.

– Итак, давай договоримся. Твой отпуск переносится на выходные после окончания съемок.

– Тоже мне, удивил, – говорю я и в страхе ожидаю продолжения.

Хочу, чтобы он сам заговорил об «ЭкселсиКоне». Уверен, он его еще не упоминал. Сегодня утром, когда мне пришлось звонить, точнее, писать, этому незнакомцу, я чувствовал себя униженно, не смог связаться с человеком с конвента, да еще едва не раскрыл себя. Конечно, это была одна из худших моих идей.

– У нас в последний момент нарисовалось одно мероприятие. Фотосессия для Entertainment Today. Сегодня реклама автомобилей, при условии, конечно, что эти клоуны из BMW USA не покупятся. Ну, и еще участие в... Словом, ты знаешь. Там. – Он неопределенно вращает рукой.

– На конвенте, – коротко поясняю я.

– Именно, – он щелкает языком. – Послушай, «Доброе утро, Америка» испортили сюрприз, но...

– Испортили сюрприз? Я не дурак, Марк, и знаю, ты не говорил заранее, чтобы они загнали меня в угол, потому у меня не было выбора, кроме как подтвердить собственное присутствие перед камерой!

Он вздыхает.

– Послушай, парень. Тебе же нравились конвенты, разве нет? Ты все время ездил с этим твоим приятелем. Билли или Бакки.

– Брайан.

– Ну да, с ним. В последнее время ты не был ни на одном. Я подумал, вот оно! Пусть сделает что-то, что ему действительно нравится.

Я слегка тру переносицу.

– Марк, ты же знаешь, я не...

– Да, да, не ездишь на конвенты. Помню.

– Ты меня что, дразнишь?

– Знаешь что, в конце лета прекрасный момент напомнить всем, что ты в «Звездной россыпи». Ты только что вернешь-

ся со съемок в отличной форме! А выйти туда и встретиться с фанатами – чудесный рекламный ход.

– С фанатами. Такими, как этот блогер. Которые готовы отвесить мне пощечину за то, что позорю славное имя Карминдора.

– Ну же, тебе полезно иногда вылезти и поделаться что-то обычное, – он пытается меня образумить. – Все, что нужно, – появиться там.

– Нет.

– ...и поприветствовать...

– Нет.

– ...счастливчика, победителя конкурса, и появиться на их фанатской танцевальной вечеринке потом...

Я вскакиваю.

– Сколько раз повторять? Нет.

– Жалко расстраивать тебя, малыш, но ты согласился сделать это в прямом эфире. Если теперь откажешься, это будет нехорошо. Словно ты вспыльчивый. Дива. – Он понижает голос. – С тобой невозможно иметь дело.

– Да мне плевать.

Он странно на меня смотрит.

– Что на тебя нашло? Ты же знаешь, как все это важно для твоей репутации. – Он смягчается. – И ты любишь конвенты.

– Любил. В прошедшем времени. А еще я любил сам принимать решения, но это мне, наверное, не сделает хорошую рекламу?

Я резко разворачиваюсь, хватаю ключ-карту от комнаты и засовываю ее в задний карман.

— Ты куда?

— За «Фантой». — Вылетаю, пинком открывая дверь.

— Не забудь про диету.

Я захлопываю дверь.

В коридоре тихо, он белый и безжизненный, как во всех современных отелях. Очень напоминает съемочный павильон «Морской гавани», белоснежные стены с галогеновым освещением. Пустой. Только павильон был не настоящий, и я всегда мог отодвинуть стенку из фанеры и увидеть технарей. Здесь же никуда не деться.

На моем этаже нет автомата, поэтому я спускаюсь сначала на десятый этаж, потом на девятый. И на восьмом я не встретил ни автомата, ни людей. Впрочем, сейчас чем меньше людей, тем лучше.

На площадке седьмого этажа до меня доносятся голоса, они становятся громче, и я вжимаюсь в стену, продвигаясь к лестнице. Опускаюсь на нижнюю ступеньку и жду, пока они уйдут.

Может быть, это обычные люди. Может быть, они меня не узнают. А может быть, у меня начинается паранойя. Короче говоря, есть несколько типов людей. Например, такие как отец, кто хочет преумножить твою славу и помочь подняться на вершину. А есть такие как Брайан, кто фотографирует тебя, когда их приглашаешь на съемки, а потом продает кад-

ры сайту TMZ. От этого особенно больно, большее, чем после падения на яхте. Что бы там ни говорила статья «Дэриен Фримен в свободном полете», я не был ни пьян, ни обколот, ни обо что не споткнулся. И это было не нарочно на публику.

И да, у меня есть шрам, это доказывающий.

Я нетерпеливо прячу лицо в ладони. Я всего лишь хотел апельсиновую газировку. Одну баночку. Сегодня выдался тяжелый день, и я это заслужил.

Правда, заслужил.

Я поднимаюсь, натягиваю капюшон на лицо, открываю дверь в коридор и врезаюсь в одного из парней, бредущих по коридору. Их трое и одна девчонка. Моего возраста, может, на год или два моложе. Судя по сандалиям и рюкзакам, туристы.

– Извините, – бормочу я и низко опускаю голову, проходя мимо.

«Только бы меня не узнали, пожалуйста, только бы не узнали», – молю я. Сейчас, когда у каждого в кармане камера на невесть сколько мегапикселей, даже официальные папарацци не нужны. И почему мне нельзя было жить в период проводных телефонов? Телефоны. Рука ныряет в карман, но там пусто. Я поворачиваюсь. Туристы все еще там.

– Эй, парень, – окликает меня один из них.

Я разворачиваюсь, иду в противоположном направлении, ускоряюсь.

– Да подожди ты, – кричит девочка с легким акцентом. Не

то французским, не то канадским. Конечно, девчонка меня узнает. Я слышу, как она бежит за мной следом по коридору.

– Эй, парень, ты телефон выронил. – Она протягивает его мне, я осторожно беру его, пытаюсь не встречаться с ней взглядом, чтобы это не выглядело грубо.

– Спасибо.

– Ты кажешься очень знакомым. – Она хмурится.

– Мне это многие говорят, – отвечаю я, быстро разворачиваюсь и ухожу.

– Станный тип, – бормочет один из ее друзей.

– Да ладно, это Нью-Йорк. Тут все странные.

Да это еще мягко сказано. Они продолжают говорить, я стараюсь не слушать и следуя за указателями к автомату с едой. Распахиваю дверь, мне навстречу призрачно светятся радужные лампочки автомата в темной комнате. Бинго. Я даже не зажигаю свет в комнате, достаю из кармана монеты и опускаю в щель.

– Вот тебе, удачи, – бормочу я, выбирая «фанту».

«Нет в наличии» – высвечивается на дисплее автомата.

Я снова жму кнопку.

Нет.

Нет.

Нет.

– Мгла тебя побери, ну, давай, – умоляю я, судорожно нажимая кнопку, словно нахожусь на смертном одре.

Со вздохом выбираю воду, и автомат, постанывая, выка-

тывает из ниоткуда сверкающую бутылку воды. Вы когда-нибудь замечали, что вода в таких автоматах никогда не кончается?

Прислоняюсь к стене, делаю глоток. Я пока не хочу возвращаться в номер, но и не хочу снова проходить мимо той компании, а их от меня отделяют лестница и лифт.

Вот если бы у меня были друзья или девушка, – кстати, блестящая идея, – я бы сейчас отправил им сообщение, чтобы узнать, как прошел день, поздороваться, пожаловаться на свой день. Я сажусь на пол в комнате с автоматами, тупо пролистываю диалоги снизу вверх, один контакт за другим. Пара странных переписок с актерами «Морской гавани» с прошлого марта, но с ними я никогда толком не общался. Им всем было где-то по 25, и они с противоположного побережья. Еще несколько сообщений от агента по рекламе «Гавани», моего агента по рекламе Стейси, Гейл, Марка. Все это люди, на которых я работаю. Ну, или они работают на меня.

Но ведь я не одинок. Правда, не одинок, клянусь.

И вот на самом верху списка тот неверный номер. Это девочка с чимичангой или парень, но я почему-то думаю, что это девочка.

Я отпиваю безвкусную воду. Вроде бы незачем снова писать на этот номер. Совершенно незачем. Но мне скучно. Я застрял здесь. Пальцы быстро набирают сообщение и нажимают кнопку «отправить» до того, как голова успевает их остановить.

Эль

Я переворачиваюсь в кровати, достаю телефон из заднего кармана джинсов и провожу большим пальцем по треснувшему экрану, чтобы прочитывать сообщение.

Это тот незнакомец. Косплеер. Карминдор.

Неизвестный номер, 21:42

– Ну и как чимичанги, вкусные?

Я закусываю губу. Этот парень, наверное, пикапер. Или какой-нибудь старый чудик, помешанный на Карминдоре. Или просто кто-то, кого интересуется мексиканская еда на моем звездолете «Эль Тыква».

21:47

– Слишком веганские.

– Тебе удалось связаться с тем, с кем хотел?

Неизвестный номер, 21:48

– К сожалению, нет.

– У меня не было времени его отыскать.

Я сажусь. Конвент был частью меня, от которой я отказалась после смерти отца. Я не хотела быть частью его, сно-

ва входить в эти стеклянные двери и видеть, будто папа стоит в фойе в кителе Карминдора со сверкающими крылатыми звездами. К тому же люди с «ЭкселсиКона» не пытаются связаться со мной. После смерти отца меня забыли. То еще сообщество.

А папа всегда верил, что надо помогать. Несмотря ни на что. Важно быть добрым и идти навстречу людям. Я бы хотела быть хоть наполовину такой же, как он, но он утверждал, что научился этому у мамы. А если мама была сама доброта, а папа вполовину таким, что же осталось мне? Четверть?

Закусив щеку, я печатаю ответ, гадая, почему сделала исключение для этого номера.

21:48

– Может быть, я могу помочь?

– Хотя все-таки настоящий Карминдор не извиняется.

Неизвестный номер, 21:48

– А как же эпизод 26?

21:48

– Там, где его разум поглотила Мгла? Не смеши меня.

– Если только я не ошибаюсь и ты не хочешь меня поправить, ваша светлость Федерации.

Неизвестный номер, 21:48

- Почему-то мне кажется плохой идеей поправлять тебя, когда речь идет о «Звездной россыпи».
- У меня часто возникают плохие идеи.

21:50

- Без них ты бы не был Карминдором.
- Не в обиду.

Неизвестный номер, 21:51

- Не обиделся. Мне жаль ту несчастную галактику, которой я буду править.
- Муа-ха-ха.
- Итак, ты – Звездный Стрелок?

21:51

- Во мне течет кровь Федерации.
- А ты?

Неизвестный номер, 21:52

- Рожден при разрушении Бринкс. Обещаю и клянусь.
- Мм...

Словно я поверю его клятвенному обещанию, кем бы он ни был. Молния снова пронзает небо, на этот раз ближе. Я жду грома. Секунда – триста метров. Две – шестьсот. Три – девятьсот. И вот он раздается, медленный и мелодичный.

Папа всегда любил грозы. То, как они сотрясают дом, словно сердце бьется в груди.

Неизвестный номер, 21:59

– Можно задать тебе странный вопрос?

22:00

– Ну попробуй.

Неизвестный номер, 22:00

– Что ты думаешь о новом Карминдоре?

Ой-ой-ой. Я вспоминаю мой пост в блоге. Разгромный пост. Я бы соврала ему, если бы сказала не абсолютную правду.

22:00

– Ты о Дэриене Фримене?

Неизвестный номер, 22:00

– Да.

Я запрокидываю голову, чтобы посмотреть, как за окном бушует буря. Можно прислать ему ссылку на мой пост, но если он Звездный Стрелок, то наверняка знает, что я думаю. Точнее, что думает автор поста. Ни в одной вселенной Дэри-

ен Фримен не станет Карминдором. Я решаю сменить тему.

22:01

– *А ты что, фанат «Морской гавани»?*

Неизвестный номер, 22:01

– *Девочек Гилмор, пожалуйста. Кофе. С – сообразительность.*

– *Думаешь, он не потянет?*

– *В смысле Дэриен.*

Не знаю, почему я говорю то, что говорю. Наверное, потому, что он спрашивает. Значит, ему нравится подбор актеров.

22:01

– *Думаю, если он постарается, у него может получиться.*

– *Я имею в виду, это бы сделал Карминдор. Постарался бы. Даже если шансы нулевые.*

– *Но кто знает, захочет ли Дэриен Фримен постараться.*

Неизвестный номер, 22:01

– *То есть ты считаешь, он может хорошо сыграть? Ты – как фанат?*

22:01

– *Можно ответить после дождя?*

Неизвестный номер, 22:01

– *Зависит от того, долгий ли ливень.*

Я выглядываю в окно, вода ручьями течет по ночному небу. Хочу ответить: «Нескончаемый». Однако вместо этого пишу:

22:02

– *Пока он не изменит мое мнение, наверное.*

– *Например, не покажет, что готов постараться.*

Дэриен

Марк все еще сидит там, где я его оставил, по-прежнему посасывая пиво. Когда я проскальзываю в дверь, он поднимает бровь.

– Возвращение блудного сына, – вместо приветствия. – Остыл?

– Вполне. – Я сажусь напротив него.

Его пальцы летают над древним «блэкберри», тишину нарушает лишь пощелкивание клавиатуры. Полупустой бутылкой я выстукиваю по бедру главную тему «Звездной россыпи».

Если Звездные Стрелки хотят доказательств, что я их

Карминдор, один из них, несмотря на то что не смог ответить на вопрос про а'блену в программе «Доброе утро, Америка» (а это еще долго будет преследовать меня), мне надо стать фанатом. А им я сумею стать только одним способом.

Всегда будут люди вроде присоски, мужчины из столовой, автора блога «СтрелокПовстанцев». Сквозь их громкие крики ничего не слышно. Но будут также и люди вроде собеседника на другом конце телефона, шепчущие тихо, но уверенно. Люди, ради которых я подписывал контракт. Потому что знаю, каково это. «Звездная россыпь» была рядом со мной, когда не было ни дурацких родителей, ни дурацких друзей. Поэтому я взялся за эту работу. Потому что я фанат.

– Я поеду на конвент, – говорю я.

Марк отрывает взгляд от «блэкберри».

– Правда?

– Я только что это сказал.

Он встает.

– Замечательно! Рад это слышать.

Я поднимаю руку.

– При одном условии.

Он снова садится.

– Конечно. Ты уверен, что условие только одно, не два, не три? – Он смотрит на потолок, почти закатывая глаза. – Ну и что же это?

Вот оно. Целься. Пли.

– Я хочу помогать жюри на конкурсе косплееров. Не про-

сто быть звездой экрана, позирующей перед фотокамерой. Я хочу быть частью фэндома.

– Частью чего? Фэндома? – На идеально гладком лбу папы проступают мельчайшие морщины – верный знак того, что его переполняют эмоции. – Это непопулярно, Дэриен.

– Пожалуйста, всего один раз. Чтобы показать, что я один из них.

– Но ведь это не так.

Я поджимаю губы.

– Я же все равно там буду. Мы могли бы сделать это популярным.

Марк ерзает в кресле, явно что-то подсчитывает в уме. Опустится ли Крис Пайн до того, чтобы судить конкурс костюмов? А Крис Эванс? А Крис Хемсворт?

– Это будет непросто, – говорит он наконец.

– Но если ты позволишь мне...

Он поднимает палец, останавливая меня.

– Думаю, это может сработать. А «ЭкселсиКон» наверняка будет рад согласиться на это. – Он делает еще глоток пива. – Да, полагаю, мы можем сделать из этого рекламу. Держать тебя на первом плане, у всех на виду. Ты гений.

Мне не нравится хитрое, расчетливое выражение, медленно проявляющееся на его лице. Что он придумает? Не уверен, что хочу это знать. Однако он не сказал «нет». В кои-то веки я победил.

– Спасибо.

Долю секунды мне очень хочется добавить «папа».

Эльль

Не помню, когда я наконец уснула после последнего сообщения, но точно знаю, когда я проснулась.

– Даниэлль, – орет мачеха, сдирая с меня одеяло, – вставай!

Я бормочу что-то невнятное и морщусь, потому что она направляет фонарик мне в лицо.

Сильный дождь хлещет в окно, молния зигзагами пронзает небо. Я кошусь на часы, но в темноте их не видно. Наверное, шторм оборвал провода. Кэтрин почти не слышно сквозь завывания ветра, почти, но она никогда не позволит себя перекричать.

– Поднимайся!

Я едва успеваю заметить ее волосы, намотанные на толстые массажные валики, и нелепый шелковый халатик. Она за руку вытаскивает меня с кровати. Я протираю глаза и плечусь за ней, ее ногти по-прежнему врезаются мне в запястье. В конце коридора она наконец отпускает меня.

– Что случилось?

Она указывает наверх ярко-розовым когтем. Я сонно моргаю. На потолке проступает темное пятно. Сердце уходит в пятки. Течь. На чердаке.

– Кажется, я велела тебе его починить.

На другом конце коридора выглядывают из спальни близняшки. Отлично, нас еще и подслушивают.

– Ты хоть что-то можешь сделать нормально? – шипит ма-чеха, скрещивая руки на груди, там, где на халате несколько мокрых пятен. Наверное, и у нее в комнате тоже течет, иначе она не стала бы меня будить.

– Я чинила, – бормочу я. Не то чтобы это имело значение. Тем более что она все равно продает дом. – Наверное, ветер опять сбил черепицу.

– Наверное, ты ее не чинила. – Я переминаюсь с ноги на ногу, а она не отрывает от меня взгляда. – Ну и?

Я непонимающе смотрю на нее. Она снова указывает на потолок.

– Залезай наверх и чини!

Я моргаю.

– Сейчас?

– Пока не стало хуже! – орет она и дает мне фонарик. – Сначала твое поведение сегодня вечером, а теперь еще и это. Даниэльль, тебе повезло, что я так легко тебя прощаю.

Какая-то часть меня хочет заявить, что я не горю желанием лезть на чердак посреди ночи, в шторм, чтобы искать протечку. К тому же завтра утром на работу, в отличие от них.

– Итак, сейчас ты залезешь наверх и остановишь течь. А еще, я думаю, тебе стоит оплатить ремонт. Не могу же я продавать дом в таком состоянии.

Рот у меня открывается сам собой.

– Это абсурд! Это могло произойти с любым домом. Чертова гроза.

– Да ну? Разве гроза забыла вовремя починить крышу?

Я закрываю рот. Ну как можно спорить с сумасшедшей?

– Так я и думала, – подытоживает Кэтрин, отворачивается и уходит в комнату. – Идите спать, девочки. Даниэль обо всем позаботится.

Близняшки переглядываются и закрывают дверь. Я со вздохом нахожу веревочку, опускаю лестницу, и надо мной распаивается черный зев чердака. Я свечу фонариком в темноту, чтобы отогнать привидения, и взбираюсь наверх.

Хотя я прожила в этом доме всю жизнь, чердак всегда ощущался как запретная территория. Весь мой дом детства теперь кажется чужим. Так чувствовал себя Принц Федерации после освобождения от Мглы. Знакомый, но чужой. Не таким я его помнила. В гостиной на столе больше не лежат настольные игры. Над каминной полкой не висят мечи и щиты. Женившись на Кэтрин, папа спрятал это. А после его смерти она все пожертвовала. Раздала. Стерла последний кусочек истории, принадлежавший мне. Точнее, попыталась. Дом стереть невозможно, истории живут в стенах.

Тем не менее Кэтрин, похоже, нашла обходной путь. Она продает дом.

На чердаке жарко, темно и влажно. И явно течет крыша. А еще здесь удивительное количество хлама. Впрочем, это как раз понятно. Кэтрин на самом деле жуткая барахольщица.

Внизу идеальный дом, а сломанное старье спрятано здесь, подалеже от чужих глаз.

Я освещаю фонариком пластиковые ящики, выстроившиеся до самого потолка. Дом снова сотрясается от раската грома. Я подпрыгиваю, сердце колотится в горле. Дождь льет с такой силой, что кажется, будто повсюду течет вода. Ну и как я найду протечку в такой ливень?

Я ползу по фанерному полу, тихонько отодвигая в сторону коробки с надписями «зимняя одежда», «детские игрушки», и ищу мокрые места. Чем дальше ползу, тем более влажным становится дерево.

Это очень странно. Ну посмотрите на меня: ползу по чердаку посреди ночи в поисках протечки. И даже если обнаружу течь, понятия не имею, как я ее заделаю. Разве что покричу, пока все само собой не образуется. У Кэтрин такой метод срабатывает.

Внезапно мое внимание привлекает темная коробочка, задвинутая в угол. Отблеск железного замка. Я направляю на нее фонарик. Это сундук. Нет, не просто сундук. Я его помню. Это очень старое воспоминание, почти забытое.

Я подползаю к нему, зажимаю фонарик во рту и поддеваю замок пальцами. Руки трясутся. Замок открывается с неестественно громким звуком, слышимым даже сквозь бьющий о крышу дождь. Еще один раскат грома сотрясает крышу, в то время как я поднимаю крышку. В свете фонарика я вижу красивый синий китель.

Еще до того, как касаюсь его, я вспоминаю эту ткань. Помню на ощупь, как она шелестела, когда папа ходил, как развевалась подобно мантии. Это папин костюм Принца Федерации. Я достаю китель, разворачиваю дюйм за дюймом, постепенно возвращаю его из небытия.

Медленно, словно опасаясь, что он превратится в пыль, надеваю его.

Китель мне, конечно, велик. Пуговицы нужно перешить, карманы – залатать. Я зарываюсь носом в воротник, вдыхаю. Он все еще пахнет папой. А еще крахмалом, которым он обрабатывал фалды.

А потом свет фонаря выхватывает сверкающую темно-фиолетовую ткань. Не может быть. Кэтрин же все это вышвырнула. По крайней мере, она так сказала. Раздала вместе с одеждой близняшек и собственным барахлом.

Я запускаю руки в сундук, пальцы касаются платья, сшитого, словно из полночного неба, из ткани цвета спелой сливы, мягкой и шелковистой. Поднимаю платье, складки дымчатого шелка скользят между пальцев. В темноте оно сияет, словно в его нитях застряла вселенная.

На глазах наворачиваются слезы. Это мамино платье, платье Принцессы Амары. Я никогда ее не знала. Я знала папу. А как бы я хотела ее увидеть.

Я прижимаю к себе платье, плотно зажмуривая глаза. Кажется, будто я здесь уже и не одна. Словно они рядом со мной.

Мне в голову приходит одна мысль. Кэтрин может продать дом, отобрать моих родителей, положить их в коробки, заставить меня работать по дому. Может осуждать меня за работу в кафе-фургоне. Но, кроме одежды в этом сундуке, я – единственное, что осталось в мире после моего папы. Может быть, я – никто, но мой отец был уникальным. И он любил меня больше всего на свете.

Какая дочь позволит этому исчезнуть?

Но что я могу, если у меня в этом мире нет ничего, кроме старых костюмов родителей?

Ответ поражает ударом молнии.

Я поеду на «ЭкселсиКон» и приму участие в конкурсе. И выиграю. И получу билеты отсюда. Прочь от Кэтрин и близняшек. Я создам новый мир, где смогу быть кем угодно, а не тем, кем меня считают.

Я буду дочерью моего отца.

Это непросто. Придется почистить эти вещи, перешить их по своим меркам, а еще найти способ уехать в Атланту на конвент.

Давным-давно папа учил меня: чтобы стать наследником Федерации, мало просто пары хороших костюмов. Для этого нужна смелость и настойчивость. Мне потребуются прекрасные качества, которые я до сих пор ощущаю в старой униформе папы. Во взвешенном платье мамы.

С их помощью я заставлю гордиться мной.

Я воспламеню звезды.

Часть вторая

Целься

«Если не можешь выиграть битву, раздобудь пушки побольше».

Эпизод 14, «Лучше космос, чем безвременье»

Дэриен

Я встретил его, не упев даже позавтракать.

6 футов 8 дюймов, широкий, как лайнбекер команды «Нью-Йорк Джетс», пальцы как сосиски, которыми он может разломать меня пополам, даже нынешнюю раздувшуюся версию Дэриена 2.0, ради фильма набравшую 20 фунтов мускулов. Поперек его почти полностью бритой головы вьется племенная татуировка.

Марк оглядывает меня и его с гордой ухмылкой на лице. Словно получил главный приз на сельской ярмарке за ворованную свинью.

– И что ты думаешь, Дэриен? – он явно напрашивается на комплимент, которого не получит. Пусть считает меня грубым. Пусть говорит, что я выпендриваюсь. Мне все равно.

– Мне не нужен телохранитель, – отвечаю я, скрещивая руки на груди.

Я пытаюсь вытянуться во весь рост, но даже тогда он нависает надо мной на добрых шесть дюймов. Наполовину Скала, наполовину Терри Крюс. Три сотни фунтов мускулов. И когда я выпрямляюсь, он делает то же самое. Выпендрейщик.

– Он здесь не для твоей выгоды, – с улыбкой отвечает Марк и тесно сжимает зубы. – Он здесь потому, что на этом настаивают наши страховщики.

– Я не виноват, что ты застраховал мои кубики. Они никогда об этом не просили. Если бы ты не заставил меня делать этот глупый номер на «Доброе утро, Америка».

– Я думаю о твоём будущем, Дэриен. Ты же не хочешь запутать все еще больше?

Он треплет меня по щеке, ровно там, где красуется «положивший конец карьере» шрам. После неудачного падения с лодки Марк бросился к пластическим хирургам, как квотербеки НФЛ в отчаянии прибегают к пасу Девы Марии. По-моему, швы не так заметны, но режиссеру пришлось переснять почти все сцены финала. Не стоит упоминать, что шрам хотя и не завершил мою карьеру, но лишил меня последнего и единственного друга.

Я отрываю глаза от Терри Крюса младшего и смотрю на папу.

– Не надо так на меня смотреть, Дэриен, – он вздыхает. – Я просто хочу для тебя самого лучшего. Хочу, чтобы ты работал в этом городе. Ты же это понимаешь, да?

– Да, хорошо. – Спорить бессмысленно. – И надолго это?

– Смотри...

– Надолго? И что обо всем этом думает Гейл?

– Гейл согласна, что это хорошая идея. На некоторое время. – Он достает вибрирующий телефон и смотрит на номер. – Я должен ответить. Познакомьтесь пока. Почти как приключение, правда?

Я не успеваю ответить, Марк уносится, прижав телефон к уху: «Алло, здравствуйте, это Марк. Харрисон! Как ты? Как твоя лодыжка?».

Я никак не дождусь, чтобы за ним захлопнулась дверь.

Мы с телохранителем обмениваемся выжидающими взглядами. Я замечаю его выглаженный черный костюм, аккуратный галстук и серебряные часы «Ролекс». Невольно задумаешься о том, сколько же получают телохранители. Я хмурюсь. Он никак не реагирует, я оставляю попытки наладить контакт, стягиваю вчерашнюю футболку и плетусь в угол, где поставил чемодан.

Мы приехали в Атланту вчера поздно ночью. Я вообще не спал, поскольку самолет летел сквозь жуткую грозу. Войдя в отель, я тут же лег спать прямо в одежде, однако до сих пор чувствую себя уставшим. На красном дисплее часов на прикроватном столике 8:31. Я спал всего четыре часа.

– Наверное, хорошо умеешь следить, – бормочу я скорее себе под нос, чем телохранителю, перерывая чемодан в поисках футболки, которая мне не тесна. – Как оперативник ЦРУ? А существует ли специальная школа для телохраните-

лей? Ты похож на киллера из фильма «Хитмэн».

Он оправляет рукава.

– Ты знаешь правила бойцовского клуба?

Я с удивлением смотрю на него.

– Так ты говорящий!

Он поднимает бровь.

– Если понадобится, я прямо за дверь. Через двадцать минут тебя ждут внизу. Советую поторопиться.

И здоровяк выходит из комнаты. Я натягиваю чистую футболку. И тут звонит телефон. Сообщение. Целых два сообщения.

Гейл, 8:36

– *Его зовут Лонни. Будь вежлив.*

Лонни? Ну, ладно, хотя это и не самое подходящее имя для трехсотфунтовой машины тотального уничтожения. Я нахожу пару чистых спортивных шортов и носки. Телефон снова звонит, я вспоминаю про второе сообщение.

Неизвестный номер, 8:44

– *Извини, что беспокою, но, может быть, ты знаешь. Как называется, когда Юцинедес делает эту штуку с пушками корабля. Исправляет? Чинит?*

– *Чушь.*

Точно. Незнакомец. Мои губы кривятся в усмешке, когда я печатаю ответ.

8:44

– Пишешь фанфик в такую рань?

Неизвестный номер, 8:44

– Нет.

– Слишком резко, да?

8:44

– Немного. Я намекну.

– Начинается на К.

Неизвестный номер, 8:44

– Черт, я так и знала, что на К. Дай подумать.

Я надеваю спортивные шорты и носки, засовываю телефон в карман, провожу руками по волосам и гляжусь в зеркало в ванной. Шрам на щеке сильно выделяется в резком свете, мертвенно-бледная линия на коричневой коже. Марк прав. У Карминдора не было шрама. Еще один довод, что директор картины, должно быть, сошел с ума, когда выбрал меня. Еще более сумасшедшей может быть только мысль, что я продолжу дело Дэвида Сингха.

Экран телефона светится от еще одного сообщения, Я

пугаюсь. Ненавижу сообщения. Особенно от незнакомцев. Но почему-то, не знаю почему, в сообщениях от этого человека есть что-то успокаивающее. Полная анонимность. Мы не должны никем притворяться. У меня не спросили моего имени, я не спрашиваю его. Мне не нужно объяснять, почему у меня телохранитель, почему я на такой странной диете и почему упорно ношу любимые футболки, даже когда они протираются до дыр под мышками. Мы... Мы просто болтаем.

Неизвестный номер, 8:45

- *Корректирует? Калькулирует?*
- *Ну же, Карминдор!*
- *Коллекционирует? Кейтеринг? Понятия не имею!*
- *Подожди.*
- *Боже, ну конечно, калибрует!*
- *Я ужасна.*

8:46

- *А еще называешь себя фанатом.*

Неизвестный номер, 8:46

- *Ужасным.*
- *Никогда себе этого не прощу.*
- *Спасибо, Ваше высочество.*

- Десять минут, шеф. – Лонни засовывает голову в дверь.
- Ты что, еще и таймер?
- За что заплатят, то и делаю.
- Можно я заплачу, чтобы ты исчез?

Он хмуро смотрит на меня.

– Шутка. – Я засовываю телефон в карман и хватаю ключи. Я бы не сказал, что ухожу очень быстро, но обуваюсь довольно торопливо. Прежде чем выйти, отправляю последнее сообщение.

8:56

– *Можно просто Кар.:*)

Эльль

Калибровка.

Я теперь вечно буду себе это припоминать.

«Юци калибрует пушки, Эльль», – ворчу я про себя, царапая это в блокнот. И почему я думала про калькулятор?

Вторник. Полуденное солнце припекает, я наблюдаю за туристами, гуляющими по дамбе. Мой телефон-кирпичик отдыхает в тени, изо всех сил пытаюсь воспроизвести на своем стареньком экране видео из «Ютуба» о том, как раскрыть и сшить вытачки. Я смотрела это видео уже раз сорок. В нем используется много швейных терминов, которые я не понимаю, кроме того, девушка пользуется швейной машин-

кой, которой у меня нет и не будет. Все мои сбережения уйдут на материалы и, надеюсь, на автобусный билет и конвент. Хорошо, если останутся деньги на иголку с ниткой, не говоря уже о том, что мне нужно разобраться, как их использовать.

«Ну почему это не конкурс, скажем, фанфиков?» – ворчу я. Писать гораздо проще. Когда стану сценаристом, буду работать над диалогами, описывая персонажей по собственному усмотрению, а костюмами пусть займется кто-нибудь другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.